

Юрий ВЕНЕЛИН
ОКРУЖНЫЕ ЖИТЕЛИ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ:
СЛАВЯНЕ

**Юрий Иванович
ВЕНЕЛИН
(1802-1839)**

**Юрий Иванович
ВЕНЕЛИН**

**ОКРУЖНЫЕ ЖИТЕЛИ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ:
СЛАВЯНЕ**

Москва

**Приложение к журналу
«АТЕНЕЙ»**

2006

Рекомендовано Комиссией по истории культуры
Древней и Средневековой Руси при Научном Совете
«История мировой культуры» Российской АН

Серия: «СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ»

Венелин Ю.И.

**Окружные жители Балтийского моря: славяне. Предисловие
П. В. Тулаева. — Москва. — 2006. — 48 с.**

Книга выдающегося историка Юрия Ивановича Венелина (1802-1839), одного из основателей славянофильства и автора многих исследований по европейским древностям, переиздается впервые за полтора столетия. Она печатается по тексту брошюры, изданной в 1846 году в серии Чтения Императорского общества истории древностей Российских при Московском ун-те. Издание соединило вместе два этнографических очерка: первый — о латышах, литовцах и прусах, а второй — о поморах и Балтийской Славонии. Вниманию читателей предлагается вторая часть «Славяне», особо актуальная в современном историческом контексте.

Первый тираж подготовлен специально к Четвёртому Родовому Славянскому Вечу в Щецине (Польша).

© «Атеней». Русский международный журнал.
Регистрационный номер ПИ №77-549
от 29 сентября 2000 года
Министерства РФ по делам печати

Учредитель и главный редактор: Павел Тулаев

Павел Тулаев

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЮРИЯ ВЕНЕЛИНА

Имя выдающегося историка-славянофила Юрия Ивановича Венелина (1802—1839), двухсотлетний юбилей которого мы недавно отметили, нельзя назвать забытым. Его научный вклад в славистику настолько значителен, что замолчать труды подвижника невозможно. И все же, судьба его творческого наследия трагична. Выдающиеся исследования Венелина по истории древних славян, полные открытий и смелых гипотез, долго оставались в тени популярности знаменитых классиков, в примечаниях и высокомерных репликах ретроградов норманской школы. В чем причина такой несправедливости?

Загадка восприятия наследия Ю. И. Венелина состоит в том, что его первая и наиболее известная книга «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам» (1829), вызвала при жизни автора много споров и кривотолков. Она стала главным предметом внимания критиков и немногочисленных исследований, своего рода «притчей во языцех». Фундаментальный второй том «историко-критических изысканий Юрия Венелина», посвященный преимущественно древней Словении, а также менее крупные по объему труды, хотя и были изданы после кончины автора, в целом так и остались без должного внимания. Изучению богатейшего собрания сочинений пионера отечественной славистики посвятили себя лишь немногие ученые. По их стопам мы и последуем, чтобы сориентироваться в биографии Венелина и чудесном мире его открытий.

Начало жизненного пути

Наш автор появился на свет в 1802 году, в селе Большая Тибава (Nagy-Tibava) в Карпатских горах, получив при рождении имя Георгий Гуца (Georgius Hutza). Тогда это была часть Угрии (Венгрии), входившей в состав Австрийской Империи, а теперь — Западная Украина. Сам историк считал себя по национальности Карпато-Русом. Фамилию Венелин (Венелович) и русское имя Юрий он принял уже в сознательные годы, когда уехал жить в Россию.

Отец Георгия Гуцы был протоиереем (Vice-Archi-Diaconus) Верховины, и сын тоже захотел получить духовное образование. После окончания гимназии в городе Унгвар (нынешний Ужгород) он стал сначала воспитанником местной духовной семинарии, а затем в 1821 году учеником епископского лицея. Именно там Георгий впервые соприкоснулся с миром науки и углубился в древнюю историю. Философские предметы он продолжил изучать во Львовском университете, который тогда был одним из крупнейших культурных и религиозных центров Европы.

В университете семинарист получил возможность слушать лекции лучших профессоров города, а в студенческой библиотеке читать оригиналы классиков мировой истории и литературы. Уже тогда его славянскую душу притягивали родные древности эпохи античности, а пылкий ум обращал пристальное внимание на «исторически спорные и темные места, требующие объяснения». Плоды просвещения так увлекли ум юноши, что он решил всю свою творческую жизнь посвятить наукам. Но для этого надо было отказаться от карьеры католического священника, и Георгий решился на такой дерзкий шаг. Вместе со своим двоюродным братом Иваном Ивановичем Молнаром юноша решил бежать в Россию, разорвав узы религиозных и семейных обязательств.

В годы царствования Александра I Российская Империя вступила в период своего расцвета. Еще свежи были в памяти славные победы над армией Наполеона, торжественные шествия казаков через Триумфальные арки Парижа и Санкт-Петербурга. Освобожденная Европа, подчинившись политической воле Священного Союза России, Австрии и Пруссии, горячо обсуждала решения дипломатических конгрессов по переделу мира. Взгляды аристократии с любопытством и ревностью обратились на Северо-Восток. Туда же, в либерально-монархическую, просвещенную, дворянскую Россию, стремилось сердце молодого Карпато-Руса.

Избранный маршрут не был прямым. Сначала юноша хотел совершить морское путешествие через Триест (старословенский Тргесте), Стамбул (Константинополь) и Одессу. Однако, война на Балканах разрушила эти планы. Пришлось ехать другим путем с длительными остановками. Весной 1823 года Георгий Гуца с братом нелегально пересекает границу в Карпатах и прибывает в Кишинев, а оттуда через год направляется в Москву.

Здесь он и появился в 1825 году под именем Юрия Ивановича Венелина. В поисках работы беженец первым делом обратился к своему земляку, известному слависту и педагогу Ивану

Семеновичу Орлаю (1771–1829), написавшему первую историю Закарпатья на русском языке. Тот принял просьбу юноши с пониманием, но посоветовал ему заняться «более благотворной наукой», а именно — медициной.

Венелин вынужден был временно смириться с судьбой, и поступил на медицинский факультет Московского университета, где проучился еще три года. В 1829 году он выдержал испытание на звание лекаря, но, в конце концов, оставил это поприще и, следуя зову души, полностью посвятил себя гуманитарным наукам.

В студенческие годы Юрий Венелин проводил дни и ночи за изучением классических трудов и первоисточников на древних языках. Благо, что образование позволяло ему это делать. Кроме греческого и латыни, он свободно читал на немецком, французском, английском, итальянском, испанском, общался на мадьярском и волошском (румынском), не говоря уже о славянских языках. Еще в библиотеке Львовского университета любознательный русин начал выписывать все ценные исторические сведения о славянах и родственных им племенах: из Страбона, Тацита, Плиния, Кассиодора, Иордана, собранные в изданиях типа *Monumenta inedita rerum Germanicorum*. Особое внимание Венелин уделял истории Византии, выписки о которой составили целых пять тетрадей. Здесь были и его собственные переводы из хроник императоров, и фрагменты из византийских писателей, взятые из антологии *Corpus historiae Bizantinae*, и конспекты авторов нового времени — Гиббона, Шафа, Манхарт, Кера и прочих. Вместе рабочие тетради студента составляли своеобразную переносную библиотеку, тематическую «базу данных», если использовать современную терминологию.

Вот как рисует портрет нашего автора его брат, лучше других знавший Юрия Венелина в молодые годы: «При крепком телесном сложении, он отличался и атлетическим сложением духа: мощный ум, глубина соображений, возвышающаяся до сильных поэтических восторгов, редкая способность сосредоточивать силы духа на один предмет и отвлекаться от всего окружающего, составляют внутреннюю его физиономию. Его трудолюбие и напряженное размышление были удивительны. Он почувствовал в себе раннее призвание к истории, и как ни старался уклониться от сего пути, но внутренний голос возвратил его к нему, и возвратил навсегда» [1].

Поскольку сразу поступить на какую-либо официальную должность по любимой специальности Венелину не удалось, он ради заработка устроился домашним учителем. Педагогическое по-

прище не было самоцелью, хотя среди его учеников встречались любопытные личности, такие как Константин и Иван Аксаковы — будущие идеологи славянофильства. Главное было то, что профессия частного преподавателя давала молодому ученому столь необходимое ему свободное время, которое он почти всецело тратил на исследования.

Блестящее образование, хорошее воспитание и личные качества открывали перед молодым ученым двери гостеприимных домов России. Венелин бывал у историка и писателя М. П. Погодина, общался с А. С. Хомяковым, И. И. Срезневским, печатался в популярных периодических изданиях той эпохи: «Московский вестник», «Телескоп», «Отечественные записки», «Журнал Министерства Народного Просвещения» и пр.

В устных беседах Венелин часто выражал обоснованный протест против господствовавшей тогда в Европе немецкой критической школы. Как знатока первоисточников и многих достоверных данных о древних славянах его возмущал упорный монополизм норманистов-западников, тормозивших своим высокомерием развитие отечественной науки. «Они одни овладели всею славой европейского мира; все славные дела новой истории Немцы относят к одним себе», — досадовал наш славянофил. При этом он ссылался для аргументации на свой неизданный архив, опубликовать который у него не было средств.

Помочь Венелину вызвался М. П. Погодин, академик Петербургской АН, издатель «Московского вестника» и «Москвитянина». Этот корифей старой школы не только с вниманием выслушал аргументы молодого романтика, но убедил его оставить медицину, чтобы тот в своих печатных трудах «сообщил ученому свету отважные и оригинальные гипотезы о славянах и их именах» [2].

Первая книга

Подготовка первой книги заняла около года. Поскольку до этого Ю. И. Венелину не удавалось публиковать свои крупные сочинения, он собрал в один том все, что касалось темы прямо и косвенно. Поэтому монографию «Древние и нынешние болгары» (1829) не следует воспринимать как историю одного народа. Фактически этот первый том был посвящен обзору древнейшей истории восточных славян в целом.

Венелин исходит из общей посылки, что славяне — старожилы в Европе, наравне с греками и римлянами. Более того, он ут-

верждает, что становление славянского народа как ствола предшествовало развитию греков и латинов как ветвей. Во времена расцвета Афин и подъема Рима «славяне уже в полной мере разделены были на племена». Они назывались тогда другими именами, например скифами, готами, вандалами.

Болгары, по его мнению, были также одним из восточных славянских племен, получивших свое название от реки Волга (Волгари). В западную Европу они явились под именем гуннов, во главе со своим великим вождем Атиллой, который силой и мудростью завоевал необъятные земли от Волги до Сены, заставив римлян дрожать от страха. В заключение автор анализирует «военно-политическую роль, которую играла Россия (Болгаро-Россия) в Европе в правление Атилы, и перевес ее над прочими государствами».

Вот это отождествление многих восточно-европейских племен со славяно-русскими, где было видно желание автора прокомментировать древние события через призму современности, и вызвало критический протест у лидеров академической школы. И они отчасти были правы. В патриотическом пылу Венелин называл гуннов — «сынами Руси», Словению — «Адриатической Украиной», Меровингов — «Мировичами», а Атилу — «Русским Царем».

Значит ли это, что метод автора сводился к русофильским эпитетам и славяномании? Нет, не значит. Позже автор признавал сам, что глава об Атиле наиболее слабая в его книге. Он писал, что в первом томе его изысканий «очень многое не вполне развито и что можно сказать еще очень многое в оправдание и объяснение всего этого» [3]. О своем же собственном методе, родившемся в полемике с западной школой, он сказал следующее: «Я далек от того, чтобы подобно сим ученым, наоборот приписывать все Славянам. Как Историк я не принадлежу ни к одному племени земного шара. Признаюсь, что в сей Готской или общей Германской кутерьме скрывается и значительная часть Дойчерских племен. Надобно только попотеть в изысканиях, чтобы определить им надлежащее место и в истории, и в Германии. Я здесь изложил только общие черты или главное основание. Прочие же подробности объяснит дальнейшее исследование» [4].

Такая возможность, к счастью, была предоставлена Судьбой. С. Т. Аксаков, отец прославленных учеников и воспитанников Венелина, выхлопотал ему научную поездку на юг Европы. Она была оформлена как официальная командировка Имперской Российской академии, «с Высочайшего Государя Императора дозволения». На государственное пособие молодой автор, став-

ший к тому времени уже известным как славянофил-полиглот, отправился в ученое путешествие. Цель этой уникальной археографической поездки состояла в том, чтобы «обозреть по возможности все хранящиеся в тамошних монастырских и других библиотеках печатные книги и рукописи на Славянских наречиях и на языке Молдавском, Волошском и Греческом» [5]. Он должен был собирать памятники народной словесности, отыскивать неизвестные летописи, делать снимки с наиболее ценных рукописей. Ему также было поручено выучить досконально современный болгарский язык с целью написания грамматики и небольшого словаря.

С поставленными задачами Венелин справился успешно. Собранный им во время путешествия 1830—1831 годов коллекция из 66 грамот и 20 снимков, в том числе в архивах и библиотечных фондах Бухареста, была передана в Российскую Академию. «Грамматика нынешнего болгарского наречия» была окончена в 1835 году. К печати, правда, ее не приняли, несмотря на положительный в целом отзыв академика А. Х. Востокова. Остальные труды были изданы позже, уже после смерти автора. «Влахо-Болгарские или Дако-Славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным», вышли в свет в 1840 году, а «Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина» были опубликованы в 1855 году.

Чтобы понять причины болгарофилии нашего автора, необходимо учитывать тот исторический фон, на котором происходили его, казалось бы, далекие от современности исследования. К началу XIX века Балканский полуостров и его северные границы находились под властью Османской Империи. Мусульманское иго вызывало протест у покоренных сербов, хорватов, болгар, греков, румын и молдаван. Однако самостоятельных сил этих народов было недостаточно для полного освобождения. На северо-востоке у них был только один сильный союзник — Российская Империя. Ее существование было причиной постоянных турецко-русских конфликтов в районе Причерноморья.

Очередная война между мусульманами и христианами разразилась в 1828—1829 годах, как раз когда Ю. И. Венелин завершал свою книгу о болгарях. С целью миротворческой миссии в Греции, где началось освободительное восстание, соединенная эскадра России, Англии и Франции разгромила турецко-египетский флот. В ответ на объявленную султаном «священную войну» русские войска форсировали Дунай и овладели Варной. В июне 1829 года они перешли через Балканы и заняли Адрианополь, недалеко от проли-

вов. Чтобы не потерять Стамбул (Константинополь) мусульмане вынуждены были подписать мирный договор и пойти на большие уступки. По Адрианопольскому миру за Россией помимо Крыма, присоединенного к Империи еще в 1783 году, было закреплено устье Дуная и Черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти. Проливы Босфор и Дарданеллы отныне стали свободными для проплыва русского торгового флота. Греции была предоставлена самостоятельность, а Молдавия, Валахия и Сербия получили расширенную автономию.

Болгария не получила подобных прав, но внутренние порядки в стране были несколько смягчены. В частности, ее жители получили право свободно эмигрировать в Россию. В 1829–1830 годах началось массовое переселение болгар в южные районы империи, в частности в Одессу и Кишинеv, где Венелин завел свои первые знакомства с беженцами. В самой стране набирало силу национально-освободительное движение, готовившее почву для будущей независимости страны. Вот почему образованного и хорошо разбиравшегося в балканских проблемах русина послали в научную командировку.

Деятельность ученого вызвала у болгар большую симпатию. В знак глубокой признательности Ю. И. Венелину за то, что он сделал для их народа в области истории, фольклористики и языковедения, балканские беженцы сложили ему при жизни оду, а после смерти — поставили памятник на могиле в Даниловом монастыре с трогательным посвящением: «Он первый напомнил свету о забытом, но некогда славном и могущественном племени Болгар и пламенно желал его возрождения. Господи, услышь молитву раба Твоего» [6].

Не будем забывать также о том, что именно на деньги болгарских подписчиков хранители авторских рукописей смогли издать (общим числом 319 экземпляров) вторую книгу Венелина. Из-за этой прозаической причины самостоятельное исследование Юрия Венелина «Древние и нынешние Словене» впервые было отпечатано не как отдельная монография под собственным именем, а как второй том историко-критических изысканий автора, продолжающий первую книгу.

«Древние и нынешние Словене»

Приступая к анализу исследования Ю. И. Венелина о словенах, мы прежде всего заметим, что такой фундаментальный труд не мог появиться внезапно. Ему предшествовали научные

исследования, конспекты и переводы, многочисленные неопубликованные работы. Помимо древних греческих, римских и византийских авторов, Венелин изучил все доступные ему словенские грамматики, труды выдающегося словенского филолога Е. Копитара, иностранного члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии Наук, занимавшегося исследованием древнеславянских памятников в Вене, его соотечественника историка А. Линхарта, этнографические сочинения серба В. Караджича, хорватского археолога М. П. Катанчича, словака П. И. Шафарика. Он критически проштудировал также издания таких немецких авторов, как Байер, Шлецер, Гердер. Ко всему прочитанному Венелин присовокупил незаурядный опыт лингвиста и путешественника, что позволило ему сделать широкие обобщения.

Предварительная подготовка книги была начата автором еще в 1834 году, вскоре после того, когда он получил титул Действительного члена Общества Истории и Древностей Российских [1833]. Этот нелегкий труд продолжался с перерывами в период его службы на должности инспектора классов Московских училищ (1836—1838). Однако неожиданная смерть Ю. И. Венелина 26 марта 1839 года прервала работу.

Одиночество, напряженная работа днями и ночами, безучастие окружающих, бедность и тяжелый внутренний конфликт, из-за которого он чувствовал себя, как на чужбине, в конце концов, привели к развитию сердечной болезни. Когда у Венелина наступил очередной кризис, он направился в Университетскую клинику, но там для него не оказалось свободных мест. По возвращении домой больной упал на пороге своей комнаты, пораженный ударом. Спустя еще несколько часов, перед самой заутреней Светлого Воскресения, он скончался на руках своего брата.

И. И. Молнару, ставшему хранителем архива Венелина, пришлось завершать брошенную монографию. Он не только подготовил к печати авторские рукописи, но включил в издание все, имеющее прямое отношение к Словенам, дополнив изначальную версию почти на сотню страниц. Он же довел до требуемого качества незавершенную карту Словении. Иван Иванович, как никто другой, понимал значение уникального труда своего родственника и единомышленника, почему и назвал в предисловии вторую книгу Венелина «одним из глубокомысленных творений Русской ученой литературы» [9].

Полный титул книги «Древние и нынешние Словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам. Историко-критические изыскания Юрия Ве-

нелина. Том II. Название перекликается с первым томом, но в качестве предмета внимания охватывает «Дунайские земли Словен». Издание типографии Московского университета общим объемом в 326 страниц имеет великолепный гравюрный портрет автора, краткое предисловие М. П. Погодина, очерк И. И. Молнара «Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина» с необходимыми комментариями, вложенную карту «Словении, или Дунайских земель в продолжение первых 4-х столетий». На титульной странице тома указан 1841 год, а биографический очерк помечен 1846 годом. Это значит, что издание либо задержалось, либо задумывалось как продолжение тома, подготовленного самим автором.

В России это было первое исследование, посвященное истории словенцев. Нынешняя Словения входила тогда в состав Австрийской Империи, и современники не выделяли проживавших там славян в особую этническую категорию. Венелин, сам родившийся на восточной окраине этой империи, первым обратил внимание на то, что словенцы, искусственно разделенные границами тогдашних государств, вместе составляют единый народ. Из истории автору было известно, что вся Штирия, Хорутания, южная часть Австрии, часть Тироля и вся задунайская Угория, — были заселены Словенами (он упустил из внимания только группу венецианских словенцев, проживавших в Горице и Адриатическом Приморье). Он знал также о том, что словенцы были автохтонными жителями Паннонии и Восточных Альп, в отличие от пришедших позднее на Балканы хорватов и сербов. По мнению Венелина, часть словенцев была вытеснена с исконных территорий за Дунай на север, где они оформились в субэтнос под похожим именем словаки.

Попытка определить родственные связи между отдельными европейскими племенами не означала, что автор валил без разбора в одну кучу всех славян. Венелин разделял родовое имя славяне и видовое словене, понимая разницу между славянскими языковыми группами не хуже, чем его оппоненты. Он писал: «Наречие словен отличается от всех других славянских наречий; словенин не есть ни чех, ни серб, ни поляк, ни кроат, ни по имени, ни по наречию, ни по одеянию, ни по нравам, ни по истории» [8]. Просто исследователь-русин, в отличие от немецких критиков, сознательно вносивших раскол в славянский мир, стремился отметить то, что объединяло наших предков.

Именно Ю. И. Венелин впервые ввел в литературу само название будущей страны Словении, тогда еще не существовавшей

на политической карте мира. За десять лет до словенского поэта И. Весел — Косески, упомянувшего это имя в оде по случаю приезда в Любляну австрийского императора Фердинанда I, русский историк пророчески обосновал это будущее политическое и географическое название. «Если бы в нынешнем 1834 году нужно было назвать часть упомянутых стран и самое иллирийское королевство по имени их обитателей, то должно бы назвать их Словениею, Slowenenland, la Slovenie», — писал Венелин во вводной части книги [9].

Этот точный политический прогноз показывает не только прозорливость автора, которому должны быть благодарны, прежде всего, жители нынешней Словении, но и значение фундаментальных исторических исследований в целом. Как могла бы измениться европейская политика России, если бы она учитывала хотя бы наиболее очевидные факты родства славянских народов?

Глубокие знания позволили автору выстроить собранные археологические и литературные факты в логичную модель развития. После общего обзора энциклопедических сведений о Словении, ее географии, народонаселении, языке и введения в библиографию, Венелин сформулировал свою хронологическую схему. Он разделил историю словен на четыре большие эпохи: 1) Кельтскую, т.е. в которой они покрываются Кельтским мраком, или молчанием; 2) Римскую, т.е. под владычеством Римлян: от Августа до Аттилы — от Р. X. до 450 г.н.э.; 3) Русскую, от Аттилы до Карла Великого — 450-800 гг.; 4) Франкскую, а вскоре Немецкую — от Карла Великого до XIX века. Все названия эпох условны, ибо они отражают авторское понимание исторического процесса, однако они в данном случае не хуже таких расплывчатых понятий, как «античность» или «средние века».

Далее автор описывает старинные регионы и населявшие их племена: Венецию, Карнию, Истрию, Паннонию, Норик, Рецию, Винделицию, Далмацию, Иллирию. Он пишет, что коренными жителями Словении были венецы (венеты, венды), показывает родственную связь вендов-славян с вандалами. В этом важном вопросе автор «Древних Словен» в целом продолжал линию М. Ломоносова, В. Татищева и Я. Потоцкого, хотя он не отождествлял генетов, потомков Энея из Трои, с балтийскими вендами. Не скатываясь к упрощенным схемам типа «этруски — это русские», Венелин показал также родственные связи ретов (ретийцев, резян) и словен, на которую позже обратили внимание И. Срезневский и И. А. Бодуэн де Куртене. В параграфе «Germāni у древних не Немцы», автор легко доказывает очевид-

ное: Германией всегда называлась территория, где проживали многие славянские племена, в частности, давние предки нынешних лужицких сербов.

Имперские войны Рима на севере показаны Венелиным как поэтапное завоевание Словении (1-я, 2-я и 3-я Словенская война). Здесь принципиально важна сама перемена точки зрения, чтобы отучить читателей, воспитанных на «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря, смотреть на самих себя глазами оккупантов. Автор показывает, как некогда свободная страна, управляемая племенными жупанами (от славянского «пан» — господин) и сумевшая выставить войско в 180 тысяч человек (!), стала после поражения в войне римской провинцией.

Историческая картина особенно ясно предстает перед глазами, когда изучаешь авторскую карту «Дунайских земель». Непривычно видеть многочисленные племена вендов, ванов, ретов, карнов, бойев, паннонцев, кроатов и прочих славян, разделенные не политическими границами, а лишь горными вершинами и реками, по которым часто и давались имена. Подобную карту расселения родственных племен Карантании (средневековой Словении) в эпоху до Карла Великого составил Антон Линхарт, автор книги «*Versuch einer Geschichte von Krain und der urbigen sudlichen Slaven Oesterreichs*» (1788). Для ясности он надписывал в соответствующих местах карты «*Slavi seu Vinidi*» — «Славяне суть Виниды» [10].

Большое значение Венелин придавал доказательству соответствия между скифами и русью. Он указывает на общность их территории, на схожесть антропологических типов (скифы были светловолосыми и голубоглазыми), а в дополнение к этому приводит цитаты из средневековых авторов: Никиты Хонийского о «Руси, которую и Скифами именуют» и Льва Диакона о «Тавроскифах, на их языке Росами называемых». Более того, автор утверждает, что скифы накануне первого Вселенского Собора в IV веке уже имели христианскую церковь и послали в Никею своего епископа, подписавшегося под именем Ros (Рус). Потому и крещение князя Владимира с дружиной состоялось не в Киеве, а в Херсонесе. По этой же причине Анна Комнина (Anna Comnina) называет Изяслава Киевского и Олега Тмутараканского скифами, а галичских князей именует Тавроскифскими [11].

В книге «Древние Словене» содержится много интересных автографов и фактов о письменах. Вдохновленный криптографическим опытом предшественников, ученый-полиглот принялся расшифровывать с помощью славянских языков древние надпи-

си этрусков и ретов, которых он считал предшественниками словенцев. О качестве перевода и комментариев можно спорить, но факт наличия у наших предков докириллической письменности (в том числе — более древней глаголической) у читателей Венелина уже не вызывает сомнения. Кирилл и Мефодий не изобретали Славянских письмен, а только восстановили то, что было до введения латинского Богослужения в Славянских племенах [12], — таков один из авторских выводов.

Перечень Богов древних славян, списанный с «Ономастикона» М. Похлина XVIII века, и комментарии к нему Венелина тоже представляются на первый взгляд наивными. Однако специалист при внимательном изучении заметит здесь много ценных деталей: Аполлон — сравнивается с Беленом, считавшимся прежде кельтским Богом; Сейвина — напоминает нам поморскую Сиву; Эхо — имеет славянское имя Ogglasuvavka, Фортуна — это Среча, то есть Судьба (Удача); Марс — сравнивается с Тором и Ладонем; Минерва имеет вполне русскую аналогию — Модрица, Рап — это Пан, он на иностранные языки не переводится и т. д. и т. п. Стараясь осмыслить значение этих и других славянских Богов, Венелин делает общий вывод о мировоззренческом дуализме, господствовавшем на определенном этапе развития наших предков. Согласно такой философии, не только добро (Белен, Белбог), но и зло (Чарт, Чернобог) объективно необходимы для жизни, и борьба между данными полюсами происходит не внутри человеческого ума, а в основах самого мироздания. Некоторым «умникам» этих открытий в области славянской теонимии мало, ибо им достаточно одного Бога, на все народы и все времена.

Да, у Венелина много спорных фактов, есть гипотезы, требующие дополнительной проработки, есть натяжки и неточности, есть даже явные ошибки. Однако творческий поиск в науке все равно лучше, чем застойные клише в духе «призвания варягов» или «матери городов русских».

Давая общую оценку книги «Словене» И. И. Молнар написал: «Последующие труды ученых покажут, до какой степени важен был труд Венелина, труд исполненный любви к Славянству и благородного самоотвержения для науки. Конечно, немногие понимают необходимость и пользу критических изысканий времен, предшествовавших образованию государства Варягами-русью, но искреннее одобрение сих немногих и их сочувствие высокому стремлению в душах самоотверженных стоит выше рукоплесканий толпы» [13].

Прочие труды Венелина и его оценка

Мы разобрали очень коротко две наиболее крупные публикации Ю. И. Венелина. Но написанных трудов у него было, как изданных, так и не изданных, гораздо больше. В списке авторских сочинений, прилагаемом ко второму тому «изысканий» упоминается 66 названий. Наиболее значительные из них разбираются в обстоятельном описании «Бумаги Ю. И. Венелина, хранящиеся в библиотеке Императорского общества истории и древностей Российских» Е. И. Соколова [14], напечатанном в 1898 году. Не претендуя на анализ этих сочинений, перечислим те из них, которые мы еще не называли, но которые стали доступными, благодаря его друзьям и последователям.

Одним из первых был опубликован очерк Ю. Венелина «Скандинавомания и ее поклонники» (1842), посвященный критическому разбору норманской теории. В нем доказывается славянское происхождение Варягов-Руси, которые пришли в Новгород из владений вендов в Балтийском поморье.

В 1846 году в Чтениях Императорского общества истории древностей Российских при Московском ун-те была издана брошюра Ю. Венелина «Окружные жители Балтийского моря, то есть Леты и Славяне». Она соединила вместе два этнографических очерка: первый — о латышах, литовцах и прусах, а второй — о поморах и Балтийской Славонии. В обоих, помимо географического описания, имеются языковые и мифологические изыскания.

В следующем году там же были изданы «Мысли об истории вообще и русской в частности». Они содержат некоторые обобщения фактов и размышления о методологии, которые автор, вероятно, систематизировал при подготовке задуманного курса для университета. Среди его оригинальных, независимых суждений было неприятие монархического метода Н. М. Карамзина. «Нам после Истории Государства Российского нужна еще и история русского народа» [15], — шутил по этому поводу Венелин.

В 1848 году в серии Императорского общества истории древностей было опубликовано сочинение Ю. Венелина «О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен», показывавших родовые связи наших предков, которые расселились от Лабы до Волги.

В том же году типография Московского университета выпустила сборник нашего автора, включавший три самостоятельных

очерка «О готах», «Об обрах», «О споре между Южанами и Северянами на счет их россизма». Первые два продолжали этнографический обзор варварских племен, а последний — разбирает актуальную по сей день проблему этнических противоречий между украинцами и русскими.

П. А. Бессонов подготовил и опубликовал в 1855 году два объемных тома «Болгарских песен из сборников Ю. И. Венелина», сопроводив их своей биографией. Вступительная статья самого автора о песенном фольклоре древних славян имеет самостоятельное значение.

Среди неизданных трудов по филологии, описанных Е. И. Соколовым, упомянем, прежде всего: «Граматику нынешнего болгарского наречия» (1834) на 387 страницах в переплете; «Конспект преподавания истории славянского языка и литературы» (1834) на 18 страницах; статью «Об украинском правописании»;

«Мысли об изящном и критическом разборе Н. Карамзина о Дмитрие Самозванце» (64 стр.).

Есть у Венелина педагогические размышления «Три рода способностей» и «Нечто об общественном воспитании». Есть сатира в форме «Сказки о том, как калачи пекутся, да статьи пишутся» и пародии на физическую теорию света (она написана на основе юношеской диссертации Венелина *De calore animale* 1828 года).

Среди статей по исторической и современной географии упомянем: «О древних славянах», «О географической номенклатуре», «Опыт гидравлической географии», «Топографическое обозрение Дунайской долины» (включая наброски к картам), «Окружные жители Варяжского моря», «О мореплавании и торговле России в XI веке по известиям Византийцев».

В серии этнографических и исторических очерков: «О нравах и обычаях сербов», «О характере народных песен у славян Задунайских», «О песнелюбии славян Закарпатских (Словаков)», «Политическое состояние Европы Рюриковых времен и разбор записок Юлия Цезаря», незавершенный разбор труда Шафарика о происхождении славян, небольшие статьи о варягах, этрусках, гуннах, монголах, критические заметки, конспекты, выписки, записи народных песен, поверий и пословиц.

Заметную часть архива Венелина занимают письменные переводы с латыни, греческого, немецкого, польского, преимущественно на исторические темы. Это материалы по казачеству и биографии его любимого героя Богдана Хмельницкого, куда по-

мимо отдельных фрагментов, следует отнести объемное переложение «Истории десятилетней войны казаков с Поляками» Самуила Грондского (155 страниц). Фрагмент из него был опубликован в 1836 году «Журналом Министерства Народного Просвещения». Это также девять глав из латинской книги Якова Рейтенфельса с описанием Московии эпохи царя Алексея Михайловича (1680). Это Путешествие Кухарского, профессора Варшавского университета, изданное в оригинале по-немецки. Прочие переводы, такие как «Краткое обозрение всеобщей истории» (157 страниц), фрагменты из «Энеиды» Вергилия и «Готики» Иордана, можно считать ученическими, но нельзя не учитывать при общей оценке личности нашего подвижника.

Время от времени Венелин вел частный дневник, где есть страницы, посвященные его путешествию в Бессарабию и московским встречам. Большой документальный интерес представляет его официальная и личная корреспонденция: с президентом Российской Академии А. С. Шишковым, библиотекарем Академии П. И. Соколовым, деятелями болгарского возрождения В. Е. Априловым и П. Палаузовым, с такими русскими учеными, как И. И. Срезневский, С. Т. Аксаков, М. П. Погодин, а также же лицами духовного звания.

Несмотря на весьма богатое наследие, заслуживающее научного исследования, Ю. И. Венелин не был принят академическим сообществом столицы и не стал классиком славяноведения. Одной из причин такого недоразумения было холодное, если не сказать отрицательное отношение к нему ведущих авторитетов того времени. В русине, приехавшем из Закарпатья, они видели лишь одаренного провинциала и дилетанта, который со временем может составить им конкуренцию. В этом смысле судьба Венелина чем-то напоминает драму Гоголя и Шевченко, гениальных писателей, попавших из теплых и уютных городков «неньки Украинины» в студеные просторы северных столиц.

М. П. Погодин, хотя и принял славянофила-романтика, морально помог ему на этапе подготовки первой книги, в целом отнесся к нему высокомерно. Академик считал, что Венелин слишком сильно увлекается, многое дает безотчетно, в виде догадок и гипотез. «Он задумал совершить революцию в истории средних веков. Войско у него прекрасное, но построено оно плохо» [16], — пошутил как-то о своем госте Погодин.

Скорее всего именно поэтому Российская академия отказалась печатать тщательно составленную Венелиным грамматику болгарского языка, филологический факультет Московского уни-

верситета не дал ему кафедру для чтения подготовленных лекций, а в научно-археологическую командировку по северным и западным землям славян направили сначала молодого и неподготовленного О. М. Бодянского (в 1837—1842 годах), а затем более опытного, обстоятельного, но узко специализированного на филологии И. И. Срезневского (в 1839—1842 годах).

Революционный 1848 год, названный историками «весной народов», принес пробуждение славянскому миру. В Праге состоялся исторический конгресс, собравший около 300 делегатов из братских стран, за которым последовал большой съезд в Москве (1867) и новая волна славянофильства. Однако, эти яркие события истории разворачивались уже без участия Венелина, столь много сделавшего для их внутренней подготовки.

О роли Венелина хорошо сказал И. И. Молнар, лучше других понимавший смысл личности и жизненного пути своего любимого брата: «Венелин принадлежал к тем, которые за честь Славянскую готовы на самопожертвования, — это есть необходимое следствие любви бескорыстной, убеждение святого. Он заговорил о Славянском мире, о некогда могущественном народе Болгарском, о Славянизме Руссов. Он заговорил или о тех предметах, о которых Запад ничего не знает, или говорил так, как не говорят на Западе. Этого было довольно, чтобы явились многие охотники затопать его в грязь, но сделать это не так легко, как думают некоторые: стремление к истине всегда находит одобрение, и рано или поздно, получает мзду свою» [17].

После смерти Ю. И. Венелина почти никто из его знакомых не воспринимал наследие историка как классическое. Помимо двоюродного брата лишь Н. А. Бессонов занялся серьезно его архивом, издал упомянутый сборник болгарских песен, написал статью «Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарии» и составил обзорную статью, которая была помещена в виде предисловия ко второму изданию книги «Древние Болгаре» (1856). В этом пафосном очерке Бессонов дал свою оценку творчеству выдающегося слависта. Помимо многих биографических деталей он подметил главное: исследования Венелина «разрывают узкие требования книги и кабинетной учености, выводя нас на простор животрепещущей действительности» [18].

Когда умер Иван Иванович Молнар, и бумаги Венелина были переданы в 1874 году Императорскому обществу истории и древностей Российских, то они сначала попали к Бодянскому, а только потом (1877) в библиотеку общества. После тщательной

описи полученного архива, некоторых рукописей Венелина, упомянутых в приложении к изданию 1841 года, не оказалось на месте. Так, Е. И. Соколов, подробно описавший его бумаги, замечает, что среди них не оказалось упоминавшейся в одном из писем «Хроникон» Акрополита, переписанной историком во время работы в библиотеке Бухареста.

Новые авторитеты славистики в Санкт-Петербурге и Москве, не знавшие Венелина лично и для коих он был лишь одним из деятелей прошлого, особенно не углублялись в его труды. А при их оценке они не подбирали теплые выражения.

Академик И. В. Ягич, автор хрестоматийной «Истории славянской филологии» (1910), в своем итоговом труде разнес нашего русина как какого-то школьника. Повторив известные факты из его биографии, он назвал Венелина «продуктом и даже жертвой романтического увлечения». Его «сумбурные взгляды» и труды, в которых хорват Ягич, вообще острый на язык, видел лишь авторское честолюбие и «любование опасной игрой в гипотезы», для науки якобы «оказались почти совсем ненужными, пропали бесследно» [19]. Эти слова далеки от объективности, они звучат как клевета и зловеющий приговор.

Еще более далек от правды биографический очерк Юрия Венелина, опубликованный в авторитетной дореволюционной энциклопедии Брограуза и Эфрона, подписанный инициалами «И.Л.» (вероятно, это И.Лось). Здесь автор нагромождает один абсурд на другой. Вычитав откуда-то заголовки отдельных трудов Юрия Венелина, рецензент делает неверный вывод, что «последние годы своей жизни Венелин посвятил научно-литературной деятельности, отданной почти исключительно Болгарии»; «в России их вовсе не ценят, между тем как в Болгарии они считаются чуть ли не народной святыней». Имя Венелина, по ложному мнению И.Лося, стало «символом исторических фантазий», ибо он якобы был человек, «увлекавшийся красивыми гипотезами, и его исторические сочинения больше напоминают роман, чем научное исследование» [20]. Совершенно ясно, что И.Лось не читал труды Венелина, ибо даже наиболее популярные из них написаны в академической манере, с цитатами на древних и новых языках, которые ныне понять могут лишь специалисты.

Не удивительно, что после таких оценок наш русин надолго приобрел в официальной славистике статус *persona non grata*. То тут, то там появлялись отдельные исследования о Венелине, специалисты описывали и комментировали его архив, была предпринята попытка осмыслить наследие мыслителя в Болгарии, но

всеобщего признания и академического издания его сочинений так и не последовало.

В советские годы, когда был уничтожен Институт Славяноведения, а его сотрудники репрессированы по обвинению в «фашистском заговоре», труды славянофила в России не издавались и долго не обсуждались. Устойчивое внимание к наследию Венелина проявили только земляки с Западной Украины, такие как историк И. С. Свенцицкий из Львовского университета. В 1989 году, к столетию со дня смерти выдающегося карпатского русина, в Ужгороде был издан сборник «Венелін Ю. І. і розвиток міжслов'янських взаємозв'язків», и что еще более важно, «Бібліографічний покажчик» объемом 83 страницы. Вскоре там же была организована международная научная конференция «Ю. Л. Гуца-Венелін і слов'янський світ», чьи материалы были изданы в 1992 году. Доброе имя нашего автора было снова поднято на должную высоту, и труды его — пусть даже в старых изданиях, — вновь стали предметом изучения и вдохновения.

Первой ласточкой признания заслуг Ю. И. Венелина в России XXI века стала публикация его объемного автографа «О происхождении славян вообще и россос в особенности». Он помещен с предисловием Ю. В. Колиненко в самом начале тематического сборника «Антинорманизм» (№156, Москва, 2003), которое издает возрожденное Русское историческое общество.

К сожалению, некоторые современные авторы, не изучив вполне наследие Венелина, дают наряду с отдельными положительными оценками, общее отрицательное заключение: «Для исторической науки 40-х годов XIX века история словенцев Венелина не являлась шагом вперед. Но она знакомила русского читателя со словенцами, с их географией, литературой, современным положением. И в этом было ее положительное значение» [21], — пишет сотрудник Института славяноведения и балканистики И. В. Чуркина.

Эта характеристика не вполне объективна. Первое издание книги «Древние Словене» не ограничивалось переложением обще доступных энциклопедических фактов. Оно содержало много нового, как с научной, так и политической точки зрения, по сравнению с предыдущими книгами на ту же тему. Хотя бы потому, что давало смысловое сравнение двух полюсов славянского мира — западного и восточного. Первое русское исследование о Словении, где было точно предсказано даже название будущей страны, знакомило наших соотечественников отнюдь не только с банальными фактами. Оно предлагало качественно

иное видение древности как родных истоков, где славянский мир был органичным целым, независимым от римлян, германцев и византийцев.

Гораздо ближе к истине характеристика Ю. В. Колиненко, ставящей Венелина в один ряд с такими современными ему идеологами славянофильства, как Шафарик, Ганка, Караджич, и заявляющего о существовании ряда последователей нашего русина. «Несмотря на короткую жизнь (всего 37 лет) его концепции настолько были важны и пришлось вовремя (да и написаны были с редким критическим чувством), что можно говорить о целой школе его учеников, школе Ю. И. Венелина — к которой принадлежали М. Морошкин, Н. В. Савельев-Ростиславич, А. Ф. Вельтман» [22].

К этому списку мы можем добавить Константина и Ивана Аксаковых, А. С. Хомякова, И. М. Бодянского, Н. А. Бессонова, упомянутых деятелей болгарского возрождения, ибо последователи не обязаны повторять слово в слово воспринятый ими опыт. В конечном счете более важен общий дух, общее направление мысли и дела.

Итог

Как выиграла бы историческая наука, если бы она поменьше внимания обращала на частные дискуссии, с выяснением личных, религиозных и политических амбиций, а больше занималась объективным изучением наследия предшественников. Тогда бы не пришлось через десятки и даже сотни лет, снова «изобретать велосипед».

Исходя из этого простого принципа уважения к труду предшественников, автор данной статьи переиздал наряду с репринтом книги Юрия Венелина «Древние и нынешние Словене» (2004), вторую часть его исследования «Окружные жители Балтийского моря», посвященного славянам. Биографический очерк воспроизводится с небольшими сокращениями, однако без ущерба основной исторической части.

Для меня как издателя очередного труда Юрия Иванович Венелина большая честь и радость внести свою лепту в благородное дело возвращения наследия нашего великого соотечественника. Таким, какое оно есть. Без назиданий и упреков. Умный читатель обязательно найдет, чему поучиться у такого талантливого предшественника, даже если найдет у

него ошибки и неточности: исследователи древностей — редкие и забытые факты, педагоги — историю античного мира и ценные философские размышления, студенты — вдохновляющий пример для подражания, а все вместе мы — живую картину родной старины, нашу общую биографию в исторической ретроспективе.

Примечания:

1. Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина // Венелин Ю.И. Историко-критические изыскания. — Москва, 1841. — Т. 2. — С. X.

2. Венелин Ю.И. Историко-критические изыскания. — Москва, 1841. — Т.2. — С. I (предисловие М.Погодина).

3. Венелин Ю.И. Древние и нынешние Болгаре. — Издание 2-е: М., 1856. — С.Х (предисловие П.Бессонова).

4. Венелин Ю.И. Древние и нынешние Болгаре. — М., 1829. — С. 229.

5. Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. — С. XXIV.

6. Там же, с. LXXI

7. Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. — С. XXVIII.

8. Венелин Ю.И. Древние и нынешние Словене. — Москва, 1841. — С.2

9. Там же.

10. Linhart Anton. Versuch einer Geschichte von Krain und der urbiger sudlichen Slaven Oesterreichs, Laibach, 1788—1791.

11. Венелин Ю.И. Древние и нынешние Словене. — Москва, 1841. — С. 225, 229, 254—255.

12. Там же, 178, 203, 223, 242, 244

13. Молнар И.И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. — С. XLIV.

14. Соколов Е.И. Бумаги Ю.И.Венелина, хранящиеся в библиотеке Императорского общества истории и древностей Российских». — Москва, 1899.

15. Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. — С. LXXVI.

16. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П.Погодина. — СПб. 1889. — Кн.2. —С.378.
17. Молнар И. И. Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина. — С. XLV.
18. Венелин Ю.И. Древние и нынешние Болгаре, издание 2-е, М., 1856, с.ХХV (предисловие П.Бессонова).
19. Ягич И.В. История славянской филологии, М., «Индрик», 2003 (репринт с издания 1910), с.450
20. См. энциклопедию Брограуза и Эфрона
21. Ю.Л.Гуца-Венелін і слов'янський світ. — Ужгород, 1992.
22. Колиненко Ю.В. К публикации рукописи Ю.И.Венелина «О происхождении славян» // Сборник Русского исторического общества. — М.: «Антинорманизм», 2003. — Т.8 (156). — С. 20.

ОПРУЖНЫЕ ЖИТЕЛИ БАЛТИЙСКАГО МОРЯ.

Б. С Л А В Я Н Е.

Есть двѣ Славоніи, говоритъ безымянный Анналистъ Славянь*: одна меньшая, лежащая около Далмаціи, а другая большая, при Балтійскомъ морѣ.

Сія Балтійская Славонія будетъ предметомъ нашего вниманія. Изъ великаго числа писателей, касающихся Сѣверной Германіи, а въ особенности Балтійской Славоніи, можно бы извлечь точное ея описаніе во всѣхъ отношеніяхъ. Исторія ея разбросана между писателями Швеціи, Давіи, Норвегіи, Саксоніи, Пруссіи, Польши, Голландіи, Франціи, и проч. Нѣтъ ли и въ Россійской? Отвѣтъ на этотъ вопросъ воспослѣдуетъ ниже.

Но мы не будемъ предаваться именно Исторіи сей части Европы; намъ, на сей разъ, должно только познакомиться съ нею, какъ съ современницей Нестора. Не станемъ, однако, льститься надеждой, что получимъ полное понятіе, точное представленіе ея состоянія, такъ, какъ оно было въ самой природѣ, въ самомъ дѣлѣ. Что же этому виною? Не имѣемъ ни одного тамошняго Славянскаго писателя того времени. Можетъ статься, что ихъ было довольно, но ихъ труды должны были быть преданы истребленію, вмѣстѣ съ ихъ языкомъ. Все, что узнаемъ о сихъ Славянахъ, взято изъ свидѣтельствъ ихъ сосѣдей, а преимущественно Саксонцевъ. Выпишемъ краткое описаніе сей Славоніи изъ одного изъ нихъ, а именно Адама Бременскаго (Церковной Исторіи).**

* Vid. Scriptores reum Germanicarum, *Lindenbroggi*.

** Vid. *Histor. ecclesiast. lib. II. pag. 1. 8.*

ОКРУЖНЫЕ ЖИТЕЛИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

СЛАВЯНЕ

Есть две Славонии, говорит безымянный Анналист Славян¹: одна меньшая, лежащая около Далмации, а другая большая, при Балтийском море.

Сия Балтийская Славония будет предметом нашего внимания. Из великого числа писателей, касающихся Северной Германии, а в особенности Балтийской Славонии, можно бы извлечь точное её описание во всех отношениях. История её разбросана между писателями Швеции, Дании, Норвегии, Саксонии, Пруссии, Польши, Голландии, Франции, и проч. Нет ли и в Российской? Ответ на этот вопрос воспоследует ниже.

Но мы не будем предаваться именно Истории сей части Европы; нам на сей раз должно только познакомиться с нею, как с современницей Нестора. Не станем, однако, льститься надеждой, что получим полное понятие, точное представление её состояния, так, как оно было в самой природе, в самом деле. Что же этому виною? Не имеем ни одного тамошнего Славянского писателя того времени. Может статься, что их было довольно, но их труды, вероятно, преданы истреблению вместе с их языком. Все, что узнаем о сих Славянах, взято из свидетельств их соседей, преимущественно Саксонцев. Выпишем краткое описание сей Славонии из одного из них, а именно Адама Бременского (Церковной Истории)².

Описание Балтийской Славонии

«Славония есть обширнейшая страна Германии, обитаемая Винулами, которые прежде назывались *Вандалами*. Кажется, что она в десять раз больше нашей Саксонии, тем паче, если прибавить к ней Богемию и живущих за рекой *Оддорой* (Одером, т. е., по сю сторону) Поляков, не отличающихся ни нравами, ни

¹ Vid. Scriptores reum Germanicarum, *Lindembrogii*

² Vid. Histor. ecclesiast. lib. II. pag. i. 8.

языком. Эта страна (Славония) плодороднейшая и наполненная оруженосным и воинственным народом; везде заключается большими реками et firmis saltuum teiminis. Её широта с юга к северу, т. е., от реки Албии (по Славянски Лабы) до моря Скифского; длина же, начинающаяся от нашего прихода (Pagoghia, будто епархия), продолжается на восток, чрез бесконечные пространства, даже в Болгарию, Венгрию и Грецию (т. е., Россию)... И так народы Славянские, из коих самые крайние, с запада, граничащие с за-Албийцами (Залабами), суть *Вангры* (или *Вагры*, ибо пишутся Waigri и Wagri, Wagrii), коих столицей *Алденбург* приморской город»³.

Надобно заметить, что Адам писал, как видно из описания, в Гамбурге, а чтобы лучше понять мысль описателя, нужно всегда: 1-е, воображать себя в том месте, где жил сам Автор; 2-е, что он, будучи Немцем, почти всегда переводил названия городов и рек на слова Немецкие, или Славянские онемечил окончанием на *бург*, или, писав на Латинском языке, олатинизовал Славянские названия. Итак, если встретятся нам города Славянские, кончающиеся на *бург*, не надобно думать, что они заключали в себе что-нибудь Немецкое; Немцы не могли без того обойтись, чтобы не прибавить к разным важным местам Славонии понятие *бургов*, т. е. городов⁴.

Итак, и мы будем их так называть, как их называли Немцы; иногда, где будет возможность, объясним Славянские их названия.

³ Посему, *Вагры* жили в Голштейне, к югу до реки *Травы*, при которой лежит *Любек*; Город их главный был *Старград*, которой Саксонцы перевели слово в слово в *Aldenburg*. Название его Немецкое и ныне еще существует в городке Голштейнском *Олденбурге*, лежащем неподалеку от моря, напротив острова Фермерна, как сам Адам замечает. Неизвестно, называли ли сами себя *Ваграми* Голштейнские Славяне, или иначе; или не потерпело ли сие название сколько-нибудь под Латинским пером, что и с прочими названиями случится, как увидим ниже; или прочтено ли оно хорошо, или переписано при переходе из старых рукописей в последующие? Ведь знаем, какой участи подвергались имена собственные лиц и мест в разных классических Греческих и Латинских творениях, над поправками коих ученые проводили целую жизнь свою. Это замечание тем нужнее делается, что сие название находу *Waigri*, а в других местах *Wagri*, *Wagrii*, *Wargi*, *Wagiri*, *Warigi*.

⁴ Quod soils tantum Slavicis civitaiibus addtatur burg, unde hoc? Denionstrabitur infra.

Голштейн (Holstein) есть Немецкое название; оно происходит, по-видимому, от Латинского сей страны названия *Holsatia* (Голзация). Адам, между прочим, говорит, что Немцы называли эту страну, по лесистому её качеству, *Голцацией* (Holzacia, от *Holz* — дерево), т. е., *Древлянской*, а Славян, её обитателей, *Holzati*, *Голцатами*, т. е., *Древлянами*, что Славяне то же, со своей стороны называли свою страну — именем Славянским, это несомненно, но как, не знаем. Видно, что эти *Древляне* или *Вагры* разделяемы были от Датчан, а именно от *Слиасвика* (ныне *Шлезвига*) рекою *Ейдером*, которая, в последствии времени, была всегдашнею границею между Германией и Данией. Нельзя сказать, до каких пор простирались они к югу, ибо Адам, описывая более дела церковные, не описал все в подробности. Кажется, однако, что они не переступали окрестностей Гамбурга и Любека, или, может быть, что они продолжались чрез реку *Траву* до самой реки *Стекенницы* (Stekenitz). Впрочем, если не определим точные границы между разными областями Балтийской Славонии, это не нанесет нам довольно большего удара; довольно будет нам знать то, что во всех сих областях жил один народ, который является под разными местными или областными названиями, точно как Россияне, у Нестора, под именами: Новгородцев, Кривичей, Полочан, *Древлян*, и проч.

Еще и ныне некоторые места Голштейна сохранила Славянская свои наименования; так, напр.: *Геннин*, *Земст*, *Бродов*, *Столл*, *Пердол* или *Подол*, *Бозов* (Местопребывание Славянского Анналиста, Гелмолда), *Евтин*, *Тритов*; сюда еще Любек и Гамбург; прочие или переименованы, или основаны Немцами (De Hamburgo alibi).

«Далее, — продолжает Адам, — следуют (т. е., к востоку) *Ободриты*, иначе называемые *Ререгами*. Столица их город *Магнополь* (Magnapolis)».

То есть, начиная от реки *Травы* до реки *Одры* (Одера), все пространство занимали *Ободриты*. Ясно, что имя сие областное, происходящее от названия реки *Одры*. *Ободриты* — значит жители области, прилежащей к реке *Одре*; по сему видно, что *Ободриты* населяли Герцогство Мекленбургское и западную Померанию. Казалось бы, что *Ободриты* переделано из *по-Одриты*; нельзя, однако, допустить, что сами Славяне называли себя сим именем, ибо *Одрита* или *по-Одрита* или *Ободрита* пахнет Греческим окончанием на *ита*: *Митрополита*, *Декаполита*, *Студита*, что не есть свойство Славянского языка. Итак, они слыли под сим именем у одних только иностранцев. Как же на-

зывали сами себя? Адам приводит еще другое их наименование, *Ререгов*. Но было ли сие имя собственное Ободритов, или назывались ли, слово в слово, Ререгами, теперь еще нельзя сказать.

Главный их город есть *Magnopoli*, говорить поч. от. Адам. Но это по Греко-Латыни; после, однако, он переделался в *Megalopolis*, что выходит по-Гречески. Немцы, позавидуя славу Грекам, отторгнули последнюю половину сего города и прибавили свой *бург*; отсюда вышло, на их лад, Греко-Немецкий *Meckelenburg*, *Mackelburg*, ныне, просто, он называется *Mecklenburg*. Но это все иностранный имена, город же был чистый Славянский. Повидимому, Славяне называли его *Великим городом*. Сей город, в прежние времена, имел в длину две Немецкие мили, а в окружности пять⁵. Он был долгое время столицей и местопребыванием Славянских королей той страны, по упадку и разделении коей он достался в удел, вместе с прилежащею вокруг областью, одному из сыновей последнего Короля *Примислава*. С тех пор он был столицей только принадлежавшего к нему и получившего от него свое название княжества Велигородскаго, или ныне так называемого Мекленбургскаго. Ныне он уже небольшое местечко неподалеку к югу от Висмара. Мы увидим ниже, что все линии нынешнего Мекленбургскаго Герцогскаго Дома происходят прямо по мужской линии от Ободритских Королей.

Заметим, что Адам в своем описании придает обитателям Балтийской Славонии название от рек, при коих они жили. По сему встречаются еще особые названия жителей на пространстве, приписанном мною Ободритам, что, по видимому, противоречит моему утверждению, что название Ободритов простирается на Западную Померань и Великогородскую область. Но это ничем не мешает, ибо если производить название народа и племени от реки, то оно распространяется сравнительно с её величиною. Итак, само собою следует, что название, происшедшее от больших рек, гораздо дальше распространялось, нежели название от малых речек.

Далее, что большая область опять подразделена на меньшие по именам своих речек, это весьма естественно; ибо нельзя получить определенного познания местностей какой-нибудь страны, не приисквав отличительных признаков, для различения их меж-

⁵ Vid. Hubners Real. Slaats - Zeit. nnd Conversations Lexicon, pag 121 (, и Allg. Geechichte d. Handiung. und Schiffarl etc. T. II. etc., pag. 895.

ду собою. Должность этих знаков удобнее исполняют названия рек. Итак, весьма естественно, что в стране Ободритов есть и другие названия жителей, которые, однако, относятся к Ободритам, как *вид* к роду, *часть* к целому. Что Адам упомянул прежде о родовом названии, а после о видовых, это служить доказательством, что он не излагал систематически своего описания, довольствуясь тем, что упомянул употребляемые в свое время названия Славян, не исследовав, суть ли родовые, или видовые. Не смотря на сие замечание, я не решился, однако, отступить от его образа описания. Заставив его говорить, я решился только объяснить слова сего почти современника нашего Нестора.

Далее продолжает он: «А ближе к нам живут Палабы, коих главный город Рацисбург».

Ближе к нам, значит ближе к Гамбургу. Итак, Ободриты жали подалее от Гамбурга, к востоку; ибо Полабы жили поближе. Объясним сие. *Полабы*, есть название части Славян, живущих по реке *Лабе*. Так ее называли сами Балтийские Славяне; так ее называют еще и теперь в Богемии, где она происходит, самые Чехи. *Лаба* у Латинских писателей превратилась в *Albia*, а после *Albis*, а у Немцев в *Елбе*, *Elbe*. *Полабы*, т. е., живущие по реке *Лабе*, у Адама сделались *Полабингами*, *Polabingi*. Сам Гамбург стоит при реке *Лабе*; итак, они могли уже начинаться от самого сего города; но до каких пор простирались, нелегко сказать; по крайней мере, по значению их названия они могли за рекой проникнуть даже в самую Богемию. Сие пространство, однако, по своей величине не могло обойтись без того, чтоб не было подразделено на другие названия, ибо, говоря только о Полабах, нельзя иметь определенного понятия, о каких именно говорится: о живущих ли в Герцогстве Лауенбургском, или Линебургском и Брауншвейгском, или около Магдебурга, или в Пригнице, или в Ангальтском и т. д. Итак, нельзя определить именно распространение имени Полабов. Кажется, что оно в таком же отношении находится, как и название *Ободритов*. Адам говорит, что главный город их *Рацисбург*, ныне Рацебург, в Герц. Лауенбургском. Однако нельзя будет сказать, что Полабы жили в одном только упомянутом Герцогстве, ибо он упомянул только о тех, кои жили ближе к нему; и, кажется, если бы он писал в Магдебурге, то сказал бы о Полабах, вокруг него живущих. Впрочем, известно, что Славяне жили и по ту сторону *Лабы*; по сему, сия река есть чисто Славянская. Как город свой, Рацебург, называли Славяне, нелегко угадать; нельзя, однако, подумать, что бы они называли оный на Немецкий лад.

Но послушаем далее Адама: «За коими следуют Лингоны и Варнаги» (*Lingenes et Warnahij*) *За коими* подразумевает *Ободритов* и *Полабов*, *Лингоны* жили в Ганovere, т. е., в Герцогствах Брауншвейг-Линбургском и Целлском. Сии Славяне назывались так от реки *Лины*, ныне *die Leine*, fl. *Linius*, протекающей чрез Брауншвейг и Ганover. *Lingones*, *Lungones*, *Lini* назывались по Латинскому словопроизводству; а по Славянскому — еще не знаем. *Варнаги* или, правильно сказать, *Варновы* или *Варнавцы*, около *Ростока*, *Бичова* и *Гистрова*, т. е., в окрестностях реки *Варнавы*, в стране Ободритской (Мекленбургской). Отсюда разные: *Warnahi* Адама, *Varini*, *Verli*, *Weruli* etc. Далее: «Подле коих живут Хиззины (*Chizzini*) и Цирципане (*Circipane*), коих от Годозантов (*Tholosantes*) и Ретариев (*Petharii*) отделяет река *Лан* и город *Деммин*».

Вот опять четыре имени. Место их пребывания довольно ясно означено, ибо первых двух от последних разделяет река *Пан* (ныне *Пене*, *Peene*), от коей северных берегов, к морю, жили *Хиззины* и *Цирципаны*, к югу *Толозанты* и *Ретарии*.

Имя *Цирципанов* есть Латинское, от *circa*, *circum*, *подле*, *около*, и *Panis*, реки *Пан*. Посему, *Circipani* то же, что живущие около реки *Пана*, или, короче: *Попаны*. *Chizzini* же, по видимому, имя Славянское: *хищные*; отсюда явственно, что хищные и живущие по реке *Пан*, суть один и тот же народ.

Tholosantes, т. е., живущие по реке, ныне *Tollense*, текущей с юга к северу к *Пану*. *Rietharii*: Ретарями названы от имени главного их города *Ретры*. Все сии четыре названия принадлежат одному народу, который под ними является в отношении своего пребывания. Древний схолиаст Адама прибавляет: „*Nos quatuor rupulos a fortitu-dine Wilzos vel Leuticos appelant*«. Сих четырех народов, по их храбрости, называют *Волками* или *Лютчиками*, т. е., лютыми.

Волка называли Балтийские Славяне *вилком*. Эта перемена «о» в «и» и в других словах односложных заметна и у Малороссов. Сербы называют его *Вуком*. Чехи в сей перемене сближаются с Малороссами. *Вилке* же подает повод догадываться, что и Балтийские Славяне подражали Малороссам и Чехам. *Вилк*, во множеств. *Вилцы*, отсюда у Латинцов; *Wilzi*, *Vilsi*, *Vuilsi*, *Vitils*, *Vulzi*, *Vulcini* Я т. под. *Лютичи* есть эпитет *Вилков*; Латинцы; *Leutici*, *Liutici*, *Lutici*, *Lutitii* etc.

Вообще, сии Волки или Лютичи, занимали значительную часть Мекленбурга и всю западную Померанию и острова *Рюген*, *Узедом* и *Воллин*.

Caetera de haec re alibi.

Далее: „Есть еще и другие Славянские народы, живущие между речками *Лабою* и *Оддорой*, так: *Гавелляне* (у Адама *Heveldi*), кои живут при реке *Гавеле* (iuxta *Haliolam*; его же схолиаст, aliter *Naulam* *Naolam*, ныне *Havef*), и *Доксане* (*Doxani*), *Лебужане* (*Liubuzzi*; схолиаста *Leuburi*; у других *Lebusii*) *Виляне* (*Wisini*) и *Столеране* (*Stoclerani*) с многими другими».

Гавелляне или, как Адаму, или его переписчикам, угодно было, *Heveldi*, суть Славяне, по обеим сторонам реки *Гавелы*, втекающей в *Лабу*, т. е., в части *Магдебургского Герцогства*, лежащей по сию сторону *Елбы*, и *Миттел-Марке*. — *Дошане*, на коих земле стоит *Берлин*, суть восточные соседи *Гавелян*. Далее к Востоку от *Дошан* суть *Лебужане*, по обеим сторонам *Одеры* около *Кистрина*, отчасти на реке *Варте*, и *Франкфурта*. Названы так от главного их города *Лебужа*, он ныне небольшой, стоит при *Оддере*, между *Кистрином* и *Франкфуртом*. *Стодеране* лежат от *Гавелян* к югу до самых пределов *Лузании* (*Лужиц*).

«С многими другими», — наконец прибавляет Адам. Это доказывает, что он, не исчислил всех племен *Балтийской Славонии*. Сам же он, прежде нежели начинает их исчислять, говорит: «поелику здесь мы упоминаем о Славянах, то не бесполезно будет упомянуть о них вкратце. Мы продолжим дальше.

От *Лужиц* (*Лузании*) к западу, а от пределов *Боснии* к Северу, распространялась обширная страна Славян, именуемых *Сорабами*, *Сербами*. В *Chron. Laurisham. ad an. 782* : *Sorabi Slavi, qui campos inter Albimet Salam interiacentes incolunt, in fines Thuringorum et Saxorum, qui eisranc conterrains, ingressi etc.*, т. е., Славяне *Сорабы*, живущее в стране между *Лабою* (*Элбою*) и *Салою* реками, ворвавшись в пределы своих соседей, *Турингцев* и *Саксонцев*, и проч.

Они распространялись к северу по ту сторону *Элбы* до *Галберштадта* и *Магдебурга*, где прикасались, в *Алтмарке*, с *Заэлбскими Полабами*⁶ (seu *Brezeni*), кои от *Сорабов* далее к северу простирались под именем *Линян*, или *Лингонов*, до самого *Гамбурга*. — Большая часть *Сорабии* лежала по ту сторону *Элбы*, из ней сделалась, в последствии времени, после нашествия *Немцев*, нынешняя *Саксония* и *Ангалтское Княжество*.

⁶ Vid. *Krugers Orig. Lusatae, sea populos Slav. e. Schlhero exscviplos.*

Итак, Лаба, или Элба, протекала посреди Славян. До каких же пор простирались к западу Залабские Славяне, увидите яснее ниже, когда определим границы древней и настоящей *Нимеччины*. На сей раз обратимся еще к Славонии.

Адам не упомянул еще о Славянах, живущих от Оддеры к востоку до самой Пруссии. Поляки, их соседи, называли их *Поморянами*. Сие имя они распространяли и на Лютичей или Волков.

Заметить надобно, что вся страна, подходящая под сии три названия, лежащая между реками Лабою и Одерою, к югу от Великогородской области, называлась Славянами вообще *Украиною*; с тех же пор, как попалась во власть Немцам, стали называть ее Мархиею Украинскою, *Marchia Ucrana*, *Marchionatus Ucraniensis*; Немцы с этого сделали одно слово: *Ucker-Mark*. В последствие времени она была разделена разным образом между владетельными Князьями, откуда произошли: *Средняя*, *Mittelmark*; *Новая*, *Neumark*; *Старая*, *Altmark*.

Теперь следует вопрос: какое было народное имя, или собственное название, сих Славян?

Из всех вышеприведенных названий почти все суть частные и только местные, которые служат только для географического подразделения, и так, невозможно было бы взять часть какую-нибудь за целое. Кроме сего, сии имена суть местности; нам же нужно имя народности, как отличительный знак от иноплеменников; имя, общее всем обитателям Балтийской Славонии; имя, которым бы они отличались от прочих Славянских племен, напр., от Россов, Чехов, Поляков, Кроатов, Болгар и проч.

Поморянами или Померанцами они себя никогда не называли; сие имя прежде всего появилось между Поляками, кои, смотря на местоположение, кстати назвали их так. Доказательством тому служить, что название сие совсем не известно было писателям Западным.

Славянами они так могли называться, как и Чехи, Сорабы, Поляки, Россы и проч. Сие имя есть только общее, происшедшее случайно и гораздо моложе самых тех народов, коим оно приписывается. Оно в природе не так обширно, как в головах Этнографов. Сие увидим яснее, где поговорим о Славянах вообще.

Адам называет их Винулами, прибавляя, что прежде назывались *Вандалами*. Это точно так; но сии имена не были их собственными, народными; ибо они им придаваемы были тогда, когда сей народ был менее известен писателям, жившим в Ита-

лии, или Греции; в противном случае оно не должно было исчезнуть, но еще более утвердиться тогда, когда стали проникать в их средину. Кроме сего, сие имя появляется в разных изменениях: Venedae, Venedi, Venethi, Vinithi, Vinthi, Vendi, Vendae, Vindae, Vinuli, Vinduli, Vendeli, Vandali, Henethi, Henethae. Кто не знает, что ни один народ Славянский подобным именем себя никогда не называл? По сему, сие имя было только нарицательное и служило долгое время общим, пока не заменено названием *Славяне*.

Далее: не надобно смешивать со Славянами Балтийскими Сорабов. Сей народ, занимая довольно пространство, отличен от них; они носили собственное свое имя *Сорабов*, которое на Балтийцев никогда не распространялось.

Как же называли себя сии Балтийцы? Погодим еще немного с ответом; покамест станем их называть: Волками, Лютыми, живущими по рекам *Лабе*, *Оддоре* и проч. А как нужда требует, созвавши почт. отцов, *Нестора* и *Адама*, непременно легче наречем, нежели теперь.

Итак, на сей раз постараемся только познакомиться, представив некоторые главные черты их характера, как в физическом, так в нравственном и политическом отношении; обратим взор на их образ жизни. — Чтобы узнать весь дух человека, надобно наблюдать за его деяниями. Эта аксиома стоит и в отношении к целому народу.

Первый вопрос, которым надлежало бы спроситься об них, есть: как обитали Балтийские Славяне свою страну? Возились ли на телегах с места на место, или жили в бедных шалашах? Скажем: прежде, нежели стали появляться города между прочими Западными народами, их сосудами, между Славянами одни уже лежали в развалинах, другие процветали, а новые беспрестанно появлялись. «Прежде, нежели Любек и Гамбург», сказано во всеобщей Истории торговли и мореплавания⁷ «в 1241 году заключили сей знаменитый союз и приняты в оный в первый раз и другие Славянские Приморские города: *Визмар*, *Росток*, *Stralsund*, *Гринсвалд*, были уже, несколькими столетиями прежде, некоторые Славянские города, так знаменитые своей торговлею и столь славившееся своими богатствами и великолепием, что можно их сравнить с *Карфагеном*, *Афинами* и *Коринтом*. Сии

⁷ Vid. Allgem. Geschichte der Haadlung, Schiffart etc. II. T. pag. 895.

города суть: *Винета*, *Юлин* или *Волин*, *Великогород* (*Magnopolis*, *Megalopolis*, *Mackelburg*), *Ретра*, *Висби*, на острове Готланде, *Аркона* на острове Рюгене, и проч».

Мы рассмотрим, что говорят древние писатели о сих городах в особенности, и прибавим еще некоторые другие города, с дополнительными замечаниями.

1. *Воллин*. «Подле Лютичей, иначе называемых Волками, — продолжает Адам, — протекает мимо *Оддора*, река богатейшая Славонии. В устье её, там, где протекает мимо Скифского озера (понимает озеро, так называемое, *kleine und grosse Haff*), стоит главнейший город Воллин или Юлин (*nobilissima Jullnum*), подающий выгоднейшее местопребывание окружающим его варварам (т.е., Славянам, посреди коих он стоял) и Россиянам⁸. Но как говорят о нем много дивного, великого и даже невероятного, не приятно будет прибавить о нем что-нибудь более известного и достоверного. Он более всех городов Европы, его населяют Славяне с прочими Россиянами и варварами; ибо позволяется в нем учить и приезжающим Саксонцам, если только во время своего в нем пребывания не станут производить Христианского богослужения. Самые же все придерживаются еще своих языческих обрядов; впрочем, в отношении к нравам и гостеприимству, нет народа их честнее и благосклоннее. Город наполнен товарами всех Северных народов; он заключает в себе все, что только можно придумать редкого и приятного. Там есть *горшок Вулкана*, который жители называют Греческим огнем, о котором упоминает *Солин*. Там же можно видеть и *Нептуна* трехобразного (*triplicis naturae*); ибо сей остров тремя заливами (*fretis*) омывается, из коих один, как говорят, есть самого зеленого цвету, другой беловатого, третий же в бесперывном волнении».

Вот описание *Воллина*, краткое, но довольно понятное. Видно, что Адам в нем никогда не бывал, и что он начертал эти по-

⁸ Надобно заметить, что он здесь изяснился следующими словами: *celeberrimat barbaris et Graecis, qui in clrcuitu praeslat stationem*. Слово *celeberrimat* означает большую знаменитость сего города, которою он пользовался у соседственных народов; это весьма естественно; ибо взоры бывают пристальные обращены на большие города; впрочем, оно означает и выгодность и важность местоположения в коммерческом отношении. Варварами вздумалось ему называть этих Славян, над коих городом он удивляется, единственно потому, что употребить и название *Греков*, коими он называл Россиян; но почему, увидим ниже.

нения только по слухам; следственно, он не мог оставить нам подробного описания.

Достойно здесь замечания, что сии Моряки (Воллинцы) преимущественно обожали божество вод и морей, именуемое *Воданом*. Не понимаю, почему Карамзин сего Славянского *Водана*, производит от какого-то *Одина* Скандинавии? Напротив, все обстоятельства служат тому доказательством, что Скандинавы приняли Славянского *Водана*, преобразив его, однако, в *Одина*.

Кранций, в своей Вандалии, не может Воллин сравнить ни с каким другим городом, как только с Константинополем. Его гавань была всегда наполнена купеческими кораблями всех наций; корабли его отправлялись во все стороны. Иностранным купцам (гостям) определены были, для жительства, особые улицы, из коих главные занимаемы были Россиянами⁹.

Развалины столь знаменитого некогда города весьма часто посещаемы были в XIV, XV и XVI столетиях. Думаю, не будет излишне прибавить здесь любопытное изыскание одного ученого XVI столетия, помещенное в *Origg. Pomer*¹⁰.

«Сколь процветало наше отечество во время самых Славян, тому служат доказательством те величественные города, некогда знаменитейшие, но ныне совсем разрушенные. Иоанн Люббекий, Консул города Трептова на Рее, муж ученейший, 120 лет тому, назад, отправившийся для исследования еще существующих развалин Юлина, Винеты и Арконы, из собственных наблюдений составил описание, которое он прислал *Давиду Хитрею*».

Из сего исследования Люббекия прибавим здесь замечательное. Сколь был обширен Воллин, видно из существующих его развалин.

«Ибо церковь Св. Михаила, бывшая посреди сего города, ныне стоит вне нынешнего городка Волина, на возвышенном несколько холмике. Кроме сего, в городе были три крепости, для отражения неприятеля, расположенные на разных возвышенных его местах, в довольном расстоянии одна от другой, что доказывает еще остаток их развалин; имена их еще и теперь остаются; именно: 1) *Какернел*; 2) *Модолов*, 3) *Крепость Schlossberg*; 4) более к северу, *Серебряная гора*, всех прочих возвышенное, на коей построена была крепость с многими домами, где часто теперь между разваливаемыми основными камнями и кирпичами

⁹ Vid Alg. Gesch. d. Handl. n. Schiffart, pag. 89.

¹⁰ Vid. Origg, Pomer. Mart. Rangonis, pag. 292 et seqq. Colbergae, 1684.

находят серебряные деньги и весьма великие кости и ребра людей, подобных гигантам. Была еще и 4-я гора в южной части (australem) города, которая ныне от ворот нового Воллина так далеко, что пешеходец, вышедший к ней из города, совсем устанет. У подошвы сей горы оканчивался, к востоку, древний *Воллин*. А как церковь Св. Михаила стояла посреди города, по всем четырем сторонам коего возвышались вышеупомянутые укрепления, как видно из развалин, то весьма явствует, что пространство города внутри стен его превышало гораздо Немецкую милю. Нынешний Воллин в 30-тую долю меньше, порядочный однако городок».

«Древний *Воллин* был, после Константинополя, знаменитейший город Европы, и такого могущества, что сильного Датского Короля Свенона, в тройной войне побежденного, наконец, взял в плен и, получив от него выкупные деньги, ничего не опасаясь, возвратил ему свободу. Многолюдность города доказывает то, что в одном 1124 году окрещено в нем Бамбергским Епископом Оттоном 22,000 граждан».

«Но не одни только тамошние природные жители населяли сей город, а и разные иностранцы разных вер и языков жили в нем и торговлю производили. Кроме Балтийских Славян (коих автор исчисляет следующими однозначными именами: Winithi, Winni, Heneti, Suenones, Sclavi, Vandali, Circi pani), находились там и Датчане, Шведы, Евреи, Язычники (Gentiles, Pagani), Россияне, последующие Греческому вероисповеданию, и иные другие, коим (иностранцам) предоставлены были равные права производить торговлю, исключая одних Христиан под смертною казнью. Каждому народу определены были для жительства особые улицы, кои получили от них свое название. Но важнейшую и главную часть города занимали природные Волинцы, пришельцы из прочих городов и областей Славонии, и Россияне, большею частию многоженцы, служащие каждый своим идолам, но, впрочем, честных и добрых нравов. Обожали, однако, публично и законно (ex professo) божество трехглавое, именуемое *Триглав*, коего одна голова изображала, по их мнению, правителя небес, другая земли, третья же вод и морей. Думаю, что они от собратий своих Ругиян (Герулов) и Вандалов, воевавших в Италии и Африке, узнали что-нибудь о Пресв. Троице истинного Бога, и отсюда выдумали своего Триглава, коему прибавили еще других меньших богов-помощников: *Яровида* и *Баровида* (Harvite m ct Barovit), управляющих войною и торговлею, как бы Марса и Меркурия; сверх сего *Белобога* и *Чернобога*».

Судьба процветающего Воллина подвержена была общему ходу дел человеческих. Богатства и излишество всего и «идолопоклонство отворили путь к неге, роскоши и разврату, ко- его неминуемый следствием были несогласия и разные раздоры, начали наносить благосостоянию города чувствительные удары, кои повторяемы были частыми пожарами». При сих бедствиях. Волинцы стали выгонять иностранцев, а преимущественно слишком усилившихся Россиян, кои с женами и детьми возвратились в Россию, где основали Княжество, еще ныне так называемое, Волинское, (т. е., поселились в стране, названной, по новым ее обитателям, *Полынью*, Волинского страну: *Wolhinia*, *Vucatus Wollinensis*). «Последующие еще раздоры причинили рассеяние и прочих иностранных купцов. Наконец, Датский Король Валдемар, увидев увядающие силы сего страшного соперника своего, со всеми своими силами напал на него, и в 1170 году, взяв приступом, разрушил до основания». Доселе Люббекий.

Так кончилась сия столица Севера; разрушение её было гораздо ужаснее гибели, нанесенной Сагунту Аннибалом, а *Карфагену* Сципионом.

Остров, на коем был сей город, и коего место и имя сохраняются еще ныне в городке Воллине, так называемый *wollinsche Werder*, имеет вид треугольный. С востока отделяет его от тверди река *Дивенов*, вытекающая из озера *dem grossen Haff*, и спешащая в море; с юга упомянутое озеро, с запада река *Свен* (fl. *Svenus*), ныне *Suine*, от озера до моря; с севера самое море. Земля его плодородная, богата разного рода птицами, воды же знамениты рыболовством. Он длиною с четыре Немецкие мили.

Река *Свен* разделяет его от другого соседнего острова — *Узедома*, или, как называет его Сакс. Граматик, *Острожна*, который, подобно Воллину, окружен с севера морем, с юга озером, с запада рекою *Паном* (*Peene*), а с востока *Свеном*. На сем острове была *Винета*.

Заметим, что Славяне, жившие на сих двух островах, у древних писателей назывались Свенянами, *Suenones*, от реки *Свена* fl. *Suetius*, ныне *die Suine*, протекающей посреди их.

2. *Винета*. «От сего города, т. е., Воллина, продолжает Адам, в короткое время можно приплыть к городу *Винете*, лежащей при устье реки *Пана*, где и *Руны* живут».¹¹

¹¹ „Ab ilia autem civitate brevi remigio ad urbem trahuntur *Deminem*, quae sita est in ostio *Peanis* fluvii, ubi et *Rhuni* habitant.» Здесь опечатка текста Адамова, ибо город *Демин* был и теперь есть еще внутри Славонии, как мы это видели выше и, по сему, от устья её весьма далеко.

«*Винета* была из величайших городов Европы¹², но между Славянскими не было ни одного ей равного. Он построен был на острове Узедом, при истоке в море реки Пана (*Реепе*), расстоянием около двух миль от Волгаста Посему, её положение было весьма выгодно, имея сообщение не только с морем, но и со всею Славонией. Правда, его жители были большею частью Венеды или Славяне, которые, однако, принимали к себе и иностранцев, а преимущественно Россиян, коих тогдашние писатели обыкновенно называли Греками. Сие стечение разных народов, привлекаемых туда торговлею, приносило городу несметные богатства.

Сей город, посреди самого цветущего своего состояния, посреди своего блеска и величия, постижен несчастием, коего никогда нельзя довольно оплакать, — несчастием, нанесенным ему самою природою. „При сильной и необыкновенной буре, море оторвало довольно большую часть острова, при чем потонул и целый город». *Микрелий*¹³ говорит, что еще в его время (в XVII столет.), «при тихой и ясной погоде, напротив селения *Дамерова*, в полмили от берега, можно видеть, в море улицы в прекрасном расположении, и что одни сии остатки *Винеты* шире и пространные всей окружности *Любека*¹⁴».

Приведем еще слова, осматривавшего сии остатки, *И. Люббекия*¹⁵. «Желая осмотреть и развалины *Винеты*, я, отправившись из *Волина*, в четырех милях от него, переправился в лодке чрез р. *Свен* на остров *Узедом*, где взял с собою одного девяностолетнего рыбака, знатока сих мест, в путеводители; сев с ним в повозку, проехал около трех миль по приморью до того места, где был некогда город. Он мне рассказывал много любопытного и вероятного о *Винете* и *Волине*, что только он помнил из старых песен и из рассказов, которые он слышал в своем детстве от стариков. По прибытии в деревню *Дамеров*, состоящую из хижин рыбаков, на берегу моря расположенных, мы сели в лодку и отправились к тому месту, где виделись большие камни и пороги, — следы потонувшего города».

¹² См. *Alg.*: *Gesch. der Handlung und Schiffart* Т. II. pag. 895.

¹³ *Dictionnaire hist. et cril. de Pierre Bayle*. Т. X. Paris. 1820, pag. 430.

¹⁴ Там же. *Microel. Cumm. lib. 2.* pag. 143. *Helmold. lib. I. cap. 2.*

¹⁵ *Origg. Pomer. pag. 395*

«*Винета* построена была в длину с запада к востоку, как видно из её остатков, из коих можно открыть и её широту. Улицы вымощенные малыми кремнистыми камнями, находятся отлично и в длинном положении, по коим, как я заметил, бродить можно, и даже, по моей просьбе, рыбак руками вырвал мне, из пробитых мест мостовой, несколько камней. Большие же камни, бывшие основою великих зданий, или угольными концами улиц, расположены почти следующим образом (*sequitur forma civkatis*)».

«Сия-то обширность еще существующих ныне остатков города, мне кажется большею, нежели пространство целого Стралзунда, или Ростока, откуда можно легко заключить о некогдашнем величии и пространстве оною. Он процветал уже, когда Гензерик из Вандалии (Балтийской Славонии) и, немного спустя, Одоакр из Ругии (острова Рюгена), вывел свои войска в Африку и Италию, обитаемые¹⁶ народом одной религии и нравов с Волинами».

«Готландские Сvei, после разрушения Винеты прибыли к развалинам её на кораблях, и все, что только можно было вынуть из воды драгоценных, мраморных, бронзовых, цинковых изделий, золота и серебра, собрав, отправили в Готландию. Кроме сего, упоминается в одном старинном стихотворении (или песни), что там же найдены огромные медные ворота города и в *Висби* перенесенные».

«Нельзя определить, в котором году случилось сие несчастье. Хотя некоторые полагают сие в 830, во время Лудовика Импер., однако известно, что та необыкновенная буря и величайшее наводнение, кои Ругию (Рюген) разорвали на части, и острова Руден и Гринвалдский, составлявшие часть её, оторваны от неё, случились гораздо позже». По крайней мере, город еще существовал во время Адама, т. е., около 1076, как видно из его слов. Казалось бы, что сия участь великого города должна была наделать шуму между писателями. Конечно так, но только ныне, когда имеем столь великое множество ведомостей, журналов, писателей до излишества и проч. Но тогда шум этот мог быть произведен только в бесписьменном народе, который еще во время Люббеккия сохранялся в преданиях и песнях. Кроме сего, весьма мало было тогда писателей, и то, большею частю, в отдаленных от Винеты странах. Худое положение тогдашнего просвещения весь-

¹⁶ Allg. Gesch. d. Handl. und Schiff. Т. II. р. 889 et 895.

ма замедляло распространение молвы, которая и без того не всегда проникала до уединенных келий монахов-писателей, которые и без сего могли пройти участь Винеты только потому, что она не входила в состав их занятий. Впрочем, Люббеккий говорит, что найдены в монастырях какие-то древние рукописи, в коих говорится о потоплении Винеты. Знаем, что Готландцы, боясь быть потопленными морем, перегородились от него огромными валами. *Adjcienda quaedam de Eugis, Fumis et Ranis.*

3. *Велико-Город.* О сем городе мы упомянули выше.

4. *Ретра.* Собственно, была столицей Украины, стояла неподалеку от нынешнего городка Мекленб. *Маахина*¹⁷; жители её и окрестностей обыкновенно назывались *Ретариями* (Ретарями).

Послушаем далее Адама: «Между коими (т. е., жителями Украины, жившими в середине Славонии, между Элбою и Одером, из коих он выше исчислил некоторых), среднее и могущественнее всех, суть *Ретари*, коих знаменитейший город *Ретра*, столица идолопоклонства. Там сооружен идолам великий храм, из коих главнейший есть *Радегаст* (не Радогость ли?), коего стан сделан из золота, пьедестал же пурпурового цвета. Сам город имеет девять ворот и окружен кругом глубоким шанцом (рвом), наполненным водою, через который только один длинный деревянный мост служит переходом». Наконец, прибавляет: «говорят, что сей город отстоит от Гамбурга в четыре дня езды» (*Vid. Helmold. lib. I. cap. II. n. 7., de Westphalen. Tom. III. pag. 716 et 1913. Tom. IV. pag. 84 et 497*).

Стоит ли после что-нибудь на месте древней Ретры, неизвестно. Можно получить ясное понятие о могуществе сего древнего города: надлежит только прочесть со вниманием летописи той страны.

5. *Аркона* была столицей Ругии (ныне острова Рюгена). «Она была самый укрепленный как бы акрополис Ругии; построена на высочайшем мысе, в северной стороне полуострова Рюген, Виттова. Местоположение её весьма укреплено природою и искусством, с севера и востока окружена морем, а со стороны земли ограждена, по причине возвышенности места, высочайшими стенами, еще и ныне видимыми, кои столь были высоки, что нельзя было никаким сильным луком достичь их вершины» (*Vid. Gerard. Mercaton in Atlante. Tit. Bugiae, pag. 271. — Plura, qui desiderat, vid. ap. Sax. Gramm. Hist. Dan. Lib. 14, qui haec copiose descripsit. Adde: Hermann. Bonnum lib. I. Chron. Lubec.,*

¹⁷ Allg. Gesch. der Haudl, etc. T. II p. 880 et 805.

pag. 2. — Joan. Micrael. Hist. Rom. Lib. 2. cap. 15. Cranzii Hist. Vandaliae etc). В последствии времени, сей город, в 1168, взят приступом Датчанами и разрушен. Место его после долгое время называлось *Оркунде*.

6. *Демин*, важный город при реке Пане, был столицей *Хицных* или *Попанов*.

7. *Шерелица*, один из важнейших и древнейших южных городов Балтийской Славонии. Он построен при реке Гавеле. Он был древнею столицею Славян, называемых у Адама *Гавелляне*.. 927 году Император Фридрих I, внезапно напав на него, отнял его приступом у Славян с прилежащею вокруг небольшою областью. В следующем году (928) определен в губернаторы или правители города Сигфрид, старшина Рингелгеймский (*Grau* или *Graf von Ringelheim*), который первый был в Шерелице из Немцких правителей.

На северной стороне города стояла гора, в последствии времени Немцами названная *Harlungsborg*. На ней стоял величественный храм, в коем находился знаменитый кумир *Триглав*, столь обожаемый, вообще, всеми Балтийскими Славянами (*Vid. Angel, lib. III. pag. 509*).

Это было первое нападение Немцев на страну, лежащую по сю сторону Элбы. Заэлбские же Славяне, хотя еще держались, но, однако, не без политического влияния Немцев.

В Мекленбургском Княжестве

8. *Висмар* (*Wismar*), город у берегов Балтийского пролива; время его сооружения, наверное, неизвестное следственно, оно относится к древности; вообще утверждают многие писатели, что он основан в 340 г. после Р. Х. Венденским или Вандальским Королем Визимаром (а *Rege Wisimaro*). Называли ли именно так своего Короля Славяне, сомнительно; тогда как Славяне должны были именовать его *Везимиром*, *Вязимиром*, *Вячемиром*. Слово *мир* ко всякому было прилагательно, как и к *славе*; впрочем, Везимиров можно отыскать и у позднейших других Славянских племен. Но начало всех великих городов, по древности их, мало известно. *Vid. The History of Vandalia. By Thomas Nugent. London, 1766. pag. 17.*

Сей город, кажется, в древности был довольно великим и процветающим, по причине удобности его гавани; однако нынешний Визмар, может быть, удержал только место древнего. Впоследствии он был один из главных городов Ганзеатического Союза.

9. *Гадебуш*, город при речке и озере *Радогостье* (Radegast). Он основан еще в язычестве. После пожара он был восстановлен около 1210 года Славянским Князем *Генриком Буревиным*.

Неизвестно, Славянское ли это название города или Немецкий перевод оно; в последнем случае, оно было бы Gadebusch на простом наречии, или Gottesbusch, т. е., Божеский луг; и действительно, на сем месте был храм и драгоценный истукан Славянского бога *Радогоста*, от коего даже названа и речка, при коей стоит сей город. Утверждают, что и теперь в одной Гадебушской древней церкви находятся остатки сего идола, а именно, на западной стене церкви, над окошком, вделана одна часть сего металлического истукана и другие части его короны; все это вделано в стену в виде розы и сообразно с Готической архитектурой. Vid. Nugent the history of Vandalia, pag. 19.

Впрочем, очень вероятно, что название города есть Славянское, а именно *Радебуж* или *Радебож*, т. е., Радебожий, и только нашедшими Немцами изменено в Gadebusch, тоже соответствующее понятию о названии местности. Аналогическое сему названию имя есть и в России, *Дорогобуж*, или *Драгобуж*, или, как пишут по более легкому выговору, *Дорогобуш*. Сверх сего многие заметили справедливо, что Вандалы своего Радогостья именовали короче и *Радьем* или *Радзем*. Заметим еще, что в Балтийской Славонии есть и другие многие местности, носящие имя и память сего бога: город *Радегаст*, *Радевин*, и знаменитый в истории *Радзеград*, или *Радзъград*, Немцами переименован в Ratzeburg; что-то похоже на это и Разград, в Болгарии.

10. *Новый Буков* (Neu-Buchow); таки назван, для различия от старого или древнего *Букова*, находящегося в его окрестности и ныне упавшего на степень селения.

В окрестностях сих городов есть и другие древние Славянские местечка, удержавшие свое название: *Дамов*, *Ключ*, *Носов*, *Борзов*, *Старый Покрент*, *Дузов*, *Двмпсин*, *Редентин*, *Лесков*, *Барин*, *Роган*.

В Венденском Княжестве

11. *Густров*, столица прежде бывшего Венденского Княжества, окружен прелестными холмиками и стоит на берегу речки *Небеля*; распространен Князем Генриком Буревиным I, около 1220 г. и более обогащен его наследником, Буревиным II, который заложил огромную церковь св. Цецилии в 1226 году. При

ней находятся крипты или гробницы с мраморными статуями многих Великогородских (Мекленбургских) Князей. Там же находится родословная всех Князей Великогородских, вырезанная на мраморе по повелению Елисаветы, супруги Князя Ульриха IV. Среди древних строений города княжеский дворец удивляет своим Готическим великолепием. Жители тамошние всегда отличались приготовлением отличного, крепкого и вкусного пива, которое они именуют *Кнезсняк*, по имени его изобретателя, или, лучше, только усовершенствователя и охотника до оногo Мекленбургского Князя Яна (Ивана), прозванного Богословом, и умершего в 1264.

Занимательно, что Балтийские Славяне уже в XIII столетии умели готовить искусственный крепкий напиток. Эту черту припомним себе для другого разу.

Недалеко отсюда, при деревне *Вик*, стоит знаменитый в древности город *Перле* (Worle), давно уже разоренный; из его развалин возродился в соседстве, на реке Варле или Варнове нынешний город *Шван*.

12. *Тетерев*, городок с приятными окрестностями.

15. *Робель* (старый и новый), прелестный город на берегах озера *Мурицы*. Новый Робель стоит с XIII столетия. Неподдалеку от сего города стоял знаменитый в древности город *Ретра*.

14. *Варин* на берегу озера *Карпин*. Некоторые думают, что жители сего города именовались *Wagini*. Сей город часто опустошаем был пожаром.

15. *Плава*, появляется как город с 1228 г., лежит на берегу озера того же имени, из коего вытекает речка *Леденица* (Elde). Сей город некогда был укреплен, ныне укрепления в развалинах.

16. *Краков*, при соименном озере, ныне небольшой городок; но говорят, что он из древнейших городов Мекленбургского Княжества.

17. *Златогорск* (Goldberg) построен около 1250 г. Князем Прибиславом III. Окрестности, как его, так и Кракова, прелестны.

18. *Любеч* (Lubetz), на реке *Леденице*; местечко, в коем около 1308 г. выстроена цитадель.

19. *Малхин*, на границе Померании, при впадении реки *Пены* (Panis, Peene) в озеро *Кумирово* (Kumerow). Здесь находилась крепость, много потерпевшая в 30-летнюю войну.

20. *Грабов*, или *Гробово* (Grobow). До 1250 г. он был селом; перешедши во владение Князей Великогородских, сделался городом. В нем они выстроили дворец, удивительный по прекрас-

ной своей постройке и прелестному местоположению. Здесь жила Княжеская фамилия, впоследствии именовавшаяся Шверинскою

21. *Пархим, Парким* (Parclim), обширнейший и лучший город после Густрова, имея три Английские мили в окружности. Это один из древнейших городов Вандалии или Балтийской Славонии. Многие думают, что это есть Alistum Птолемея; иные думают, что Венеды в нем имели и обожали золотого идола, *Паркума*. Очень вероятно, это был тот же, что Перкунос у Летов и Перун у Россиян. Город сей после пожара восстановлен в 1218 г.; в древности имел отличную цитадель, которая давно уже в развалинах. Он стоит на берегу реки *Леденицы* (Lede, Elde). В сем городе имела местопребывание одна ветвь Великогородского Княжеского Дома.

22. *Леденица* (Lefenitz, или Nenstadt) появляется городком с XIII стол., будучи распространен Князем Гузелином II.

23. *Домица* (Domitz), при впадении речки Элды в Элбу. В 1556 г. выстроены в ней укрепления.

24. *Ставни* (Stawenhagen), на границе Померании, к коей прежде и принадлежал, но после уступлен Мекленбургскому Дому *Богуславом*, Князем Померанским. Он назван так от многих рыбных прудов в его окрестности, которые, как замечает Nugent, на Венедском языке именовались *Ставнями* (ставень, множ. ставни, по Латыни Stagnum, stang); Немцы прибавили свое окончание hagen.

25. *Ивенак*, или лучше, *Ивняк* (Iwenack), местечко, неподалеку от предшествующего. Он, с принадлежащими к нему окрестностями, уступлен был фамилии *Плешиных* (Plessen).

26. *Пенцелин*, или Пенецлин (уменьш. имя реки *Пан* пли *Пен*), местечко у пределов Княжества Старградского. Начало его неизвестно; в 1501 подарено Князем с Баронским достоинством семейству *Молчан* (Molzan).

27. *Малхов*, или *Малков*, очень древний город Померании, между озерами Калниным и Плавою; он окружен не стеною, но водою. На восточной стороне одного находилось древнее Венедское укрепление, которое давно уже в развалинах.

28. *Добертин*, древнее Славянское местечко; по обращению сей страны в 1222 г. основан был в нем Бенедиктинский монастырь.

Еще есть, и другие местности, проистекающая из Венедской эпохи: *Витанек, Трибеков, Бокуп, Додов, Кремин, Балов, Меттин, Марница, Панков, Репентин, Речов, Суков, Каргов, Тар-*

нов, Гримов, Бизедов, Дуков, Рамбов, Гагенов, Вангелин, Марков, Бобин и проч.

В Шверинском Княжестве

1. *Зверин*, или лучше, *Зверен* (Schwerin, Шверин), ныне столица владений Мекленбург-Шверинского Дома. Сей город был значительным уже во время Нестора и отличался своей Готической архитектурой. Имя его произошло от окружающих лесов, наполненных зверями. Schwerin, in the Venedic language signifying a place stocked with wild beasts, — говорит Nugent, т. е., Шверин (Зверин) на Вандальском языке значить место, изобилующее дикими зверями. (pag. 31),

2. *Кривица* (Kriwitz), ныне незначительный городок, но замечателен своею древностью. Мне кажется, что и в России был город подобного имени, от коего и названы были его жители и окрестностей *Кривичами*, в последствии переименованные в *Смоляне*, по имени города Смоленска.

3. *Бойца* (Boitzenburg), при впадении речки Бойцы в Элбу.

4. *Бичов* или *Бойцев* (Butsow), довольно древний городок, недалеко от реки Варны.

5. *Ренин*, при реке Радогостье.

1. *Радзов* (Uatzeburg), древний и известный город, славился уже во время Адама Бременского. Имя его происходит от находившегося в нем храма Радогостова.

Сверх сего заметим: *Седлица*, *Гневен*, *Карин*, *Зареншин*, *Банцков* и пр.

1. *Росток*, обширный город, в нескольких верстах от моря, на реке *Варнове* или *Варне*; ныне разделяется на Старый, Средний и Новый. Во время Нестора Росток был небольшое местечко; но город, один из древнейших городов Вандалии, стоял близи оно-го и имя его было *Кишин* или *Кисин* (Kissin); Росток ему служил гаванью и коммерческим депо или выгрузкою. Вандальские Короли обратили на это место особенное внимание. Годескалк (так его называют Немецкие Анналисты, но правильно ли, не знаю), около 1050 году, укрепил Росток крепостью и более распространил. С тех пор возрастание Ростoka стало опустошать самый Кисин, пока сей последний не разорен пожаром. Около 1160 года, по повелению Короля Прибислава II, Росток вдвое распространен; развалины древних строений Кисина служили материалом для новых Ростокских построек; словом, древний город передвинулся за версту или две к Лиману, переименив и на-

звание по местности. Росток получил от своих монархов, преимущественно от Прибислава II, разные права, между прочим и чеканить собственную монету.

Название сего города Nugen, по справедливости, производит из Венедского языка (Venedic original), и означает разлив, *расток* воды или реки (a division of waters); и действительно, в самом Ростоке река Варна растекается на несколько рукавов и расплывается в обширный Лиман, точно как Буг при Николаеве. У Карпато-Россов есть два больших селения в разных округах, именуемые Ростоками; одна Росток действительно стоит на ростке одной небольшой реки.

Однако Nugent производит имя Росток и от Венедского слова (from the Venedic word) *rostawiact* (расставить), что означает воскресение (стало быть, лучше: восстать, восстановить), ибо Росток восстановлен из развалин *Кисина*. Но это пустая догадка.

История сего города довольно любопытна; он был впоследствии один из так называемых Венедских Ганзеатических городов; прочие были: Любеку Гамбург, Стралзунд, Визмар и Дюнебург. От имени Кисина жители города и его округа именуемы, в летописях, Kissini, Kizinii, Chizzini и т. д.

2. *Доберан*, или *Добран* (Dobberan), к западу от Росток; в 1170 году основан в нем монастырь (Cistercitarum) Цистерциитов, в коем хоронились некоторые из Венедских Князей. Добераны есть и в других Славянских странах, напр., в Моравии, Богемии и проч.

3. *Живан* (Sehman), на берегу Варны, на половине дороги из Росток в Густров. Здесь находился храм богини *Живы*, Венедской *Цереры*, по имени коей было названо и местечко это, обитаемое, большею частью, Живиным духовенством. Жители сей околицы варили отличное пиво — плод их изобильного хлебопашества. По сему видно, и Жива здесь-то была на своем месте.

Неподалеку от Живана стоял знаменитый в древности Венедский город *Верле*, (Werle) бывший столицею довольно обширной стороны, местопребыванием иных Королей и Князей. По имени сего города жители его и окрестностей именуемы были Верлянами, Верелянами, Veruli, Werli, Heruli; а по сему ошибочному летописному правописание в наших Исторических компиляциях или изысканиях *Герулы*. — В XIII стол. сей древний город пришел в упадок по разным причинам; из развалин его, с 1235 году, по повелению Князя *Никлота V*, обстроена была Живан, или, как выговаривают Саксонцы, Шван.

4. *Драгун*, в приятном местоположении, при озере Кумирове; при введении Христианства основан в нем монастырь, в 1149 году.

5. *Гноен* (Gnoyen), у границ Померании: так назван по плодородной своей почве.

6. *Марлов*, местечко на реке Рекенице (Reckenitz).

7. *Рыбница* (Ribenitz), ныне порядочный город; стоит при озере, образуемом рекою Рекеницею; был уже известен в 1271 году.

8) *Тешен* (Tessin, Tessen), городок на Рекенице. Nugent производит его название от Tees, Венедского слова, будто означающего судопроизводство, и будто значило тоже, что решение, утешение. Как бы то ни было, но Тешен слово Славянского происхождения; Тешен, город, находился и в Моравии, по имени ко-его и известно было Тешенское Княжество (Ducatus Tescheniensis). Сюда же принадлежат: *Кольцов* (Koltzow), *Дружевица*, и пр.

Старградское Графство

1. *Стрелица*, Старая и Новая (Alt u. Neu-Strelitz), в 1349 г., в качестве небольшого поместного местечка, подарено благородной фамилии *Девичей* (Dewitz), вместе с другим местечком, *Furstenberg*; от сего последнего Девичи именовались Графами Фюрстенбергскими (Grafen von Furstenberg). В последствии сие имение опять досталось Дому господствующему (Мекленбургскому).

В 1733 году, в нескольких верстах от Стрелицы, в деревне, выстроен Княжеский замок, от чего возродился новый городок, названный Новою Стрелицею. Сей город ныне замечателен по местопребыванию одной линии Мекленбургского Дома.

2. *Старград* (Stargard). По его имени назывался целый округ. В нем иногда проживали Князья.

3. *Новый Бранденбург*, Weseberg, Furstenberg, Friedland: названия посредственных городов, суть переводные Славянских.

4. *Миров* и *Немиров* (Mirow und Nemerow) местечка.

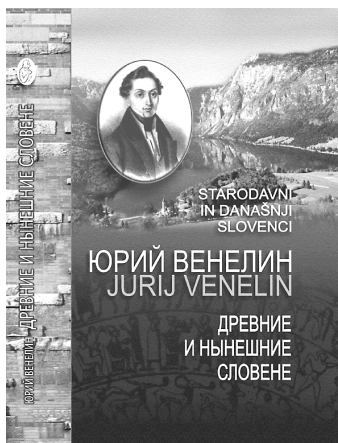
Сюда причислить можно: *Ганчов*, *Подвал*, *Заделков* и *Броды*, *Зерицу*, *Гранцов*.

Журнал «АТЕНЕЙ», распространяемый более чем в 20 странах мира и 50 городах России, широко известен как международное расовое издание. В нём публикуются статьи философов, идеологов, военных и политиков Белого мира: от Москвы, Киева и Парижа до Оттавы, Сантьяго-де-Чили и Кейптауна. Тем не менее, седьмой выпуск мозгового центра новых правых можно без преувеличения назвать самым русским номером «АТЕНЕЯ».

Содержание по рубрикам: **БЕЛЫЙ МИР:** Гийом Фай в России; Французские издания о России; Томас Брель. Лицом к Востоку. **ПРОТИВ ГЕНОЦИДА:** Геноцид русских в России; Правовая и расовая дискриминация русских; В. Жданов. Против алкогольного холокоста. **ВОЙНЫ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ:** Ю. Петухов. Общество истребления; Ю. Бобылов. Геноцидные и биологические войны; Теория заговора будоражит Европу; Л. Бим. Сопrotивление без лидера. **БИОПОЛИТИКА:** К. фон Хофмайстер. Биополитика против геополитики; В. Иванов. В какой Москве мы хотим жить. **РАСОЛОГИЯ:** В. Авдеев. Основоположник русской расовой теории С. В. Ешевский; Вальтер Гросс. Расово-политическое воспитание. **РУССКОЕ ДЕЛО СЕГОДНЯ:** П. Тулаев. О первом Союзе Русского народа; Русский вождь А. Иванов-Сухаревский; А. Севастьянов. Русская этнополитика; М. Обухова. Тайное оружие русских. **РУСЬ-УКРАИНА:** В. Тищенко. Первые Русские княжества; Буян. Военно-политическая стратегия князя Святослава; Orange Revolution: Выборы на Украине глазами русского; Тень ЦРУ над Киевом; Замаскированные путчи; Прекратить преступные действия; Первые итоги. **СЛАВЯНСКИЙ МИР:** IX Всеславянский съезд в Минске-2005: документы и материалы; Г. Лозко. За славянский Род; Итоги третьего Родового Славянского Веча. **ИНТЕРВЬЮ:** П. Тулаев. Нам нужна Славяно-Арийская Русь. **ИСТОКИ:** В. Меркулов. Остров Буян; В. Чеков. Этническое ядро великороссов; П. Кутенков. Ярга — солнечный символ. **БИБЛИОТЕКА:** Новые книги центра «Слава!». Журнальный обзор Сергея Яшина. **МУЗЫКА:** П. Тулаев. Смысл музыки; Фестиваль «Встреча поколений». В номере помещены также **ОТКЛИКИ И КРИТИКА** читателей. **РЕКЛАМА:** Многоязычный портал www.ateney.ru. Семинар АТЕНЕЯ в Крыму «Белый прорыв»; Деловое предложение АТЕНЕЯ; Дайджест патриотической прессы «Русский путь». Журнал «Русский образ». Обложка: А. Гусельников. Дизайн: А. Дорожкин, В. Пингачев. Верстка: Буян и Елена Ярова.

Объем «АТЕНЕЯ» №7: 160 страниц. Розничная цена одного экземпляра с учетом пересылки: 170 рублей, двух — 300 рублей. Оптовая цена (от десяти штук): 110 рублей.

Заказы предоплатой направляйте по адресу:
Россия, Москва, 109462, а/я 11, Тулаеву Павлу Владимировичу.
E-mail: ateney@yandex.ru

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЮРИЯ ВЕНЕЛИНА

Имя выдающегося историка-славянофила Юрия Ивановича Венелина (1802-1839), нельзя назвать забытым. Его научный вклад в славистику настолько значителен, что замолчать труды Венелина невозможно. И все же судьба его творческого наследия трагична. Выдающиеся исследования Венелина по истории древнейших славян, полные открытий и смелых гипотез, долго оставались в тени популярности знаменитых классиков, в примечаниях и критических репликах ретроградов норманской школы. Некоторые из них до сих пор не изданы.

И вот, наконец-то, вышло первое за полтора столетия переиздание исследования Венелина «Древние и нынешние Словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 2004, 384 с.). В нем сделано много открытий, до сих пор не исчерпанных наукой. Русский автор начала XIX века одним из первых изучил венедскую проблему, доказав связь славян-вендов с ретийцами и вандалами. Войны Рима на севере империи показаны автором как поэтапное завоевание Словении. Книга содержит ценные факты об античной географии славян и их письменах. В ней есть смелые гипотезы, требующие дополнительной проработки, спорные факты, но творческий поиск в науке лучше, чем застойные клише в духе «призвания варягов» или «матери городов русских».

Издание, вышедшее при содействии общества «Д-р Франце Прешерн», выполнено репринтом (с образца 1841 года), чтобы наглядно показать оригинал с цитатами из первоисточников и уникальными выписками. Оно подготовлено к изданию П. В. Тулаевым, автором биографического очерка «Возвращение Юрия Венелина». В приложении – краткий обзор истории Словении А. Ленарчича. На форзацах – карты.

Заказать книгу можно по адресу:

Москва 109462 а/я 11, Тулаеву Павлу Владимировичу,
либо по электронной почте: ateney@yandex.ru.

Цена с учетом пересылки: 250 рублей.

**Die völkerrechtlich gültigen Grenzen
des Deutschen Reiches**
auf Grund des Selbstbestimmungsrechts der Völker
mit Gebietsstand vom 12. November 1918

**Земли западных славян
глазами германских реваншистов**

